

Утонувшая в метели

Иван Лаврентьев

18+

Иван Михайлович Лаврентьев

Утонувшая в метели

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70074310

SelfPub; 2024

Аннотация

Зимняя ночь подарила Петербургу метель. Она разыгралась не на шутку, а наутро во внутреннем дворе Дома моды "Шереметев" найдено тело юной модели. Окно на втором этаже открыто, в руке записка – предновогодняя суета подталкивает следователей к поспешному решению – самоубийство. Однако в числе очевидцев находится тот, для кого девушка стала первой любовью – Евгений Протасов. Он оказывается втянутым в расследование, где мотив был у всех. Женский коллектив, чай и не такой уж холодный ум. В арсенале только слова и интуиция.

Содержание

Утро в квартире Протасовых	6
Лия Адлер	11
Неприятные известия	14
Новости	22
Прозрение	30
Воскресное утро	31
В чайной	44
Кастинг	48
Решение принято	55
Есть тело, нет дела	62
Первая репетиция	69
Показания Саши	74
Решение действовать	80
Беседа с Кристиной	83
Заместитель без назначения	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Иван Лаврентьев

Утонувшая в метели

Петербург утонул в ночи. На улицы и проспекты спустилась, словно нежеланная гостья, морозная мгла. По безлюдным дворам и переулкам носился пробирающий ледяной ветер. Он грозился оборвать провода и обламывал замёрзшие ветви деревьев Летнего сада, устремлялся в городские каналы, бился о вековые каменные стены.

Бушевала пурга. Мелкий снег, разбившись на миллионы крохотных осколков, стремительно молотил по крышам домов, стучал в окна, тонул во дворах. Мрачная пелена, затянувшая небо, не пропускала мерцания звёзд. Казалось, они никогда и не светили.

В витринах Невского проспекта болезненно отражался желтушный свет фонарей, даже ему хотелось погаснуть, стыдливо спрятаться до лучших времён, а у одного из домов на Советской улице съёжился от холода бездомный одноглазый кот. Он сидел на лавке и грозно шурился, грязная шерсть его колыхалась на ветру, оголяя розовое тело. Похожий на бывалого моряка, он воротил морду по ветру, понимая: сегодняшнюю бурю лучше переждать в подвале.

Среди завываний метели и стужи, слагающих свою страшную одинокую песнь, заметаемое снегом, во внутреннем дворе Дома моды на Дворцовой набережной встретило свои

последние минуты ныне бездыханное тело Оли Чайкиной. Глаза её были распахнуты, и две маленькие безжизненные льдинки бессмысленно глядели в небо. В них ничего не читалось, лишь безразличие и отдалённый страх, забравшийся в зрачки, но даже он был доступен лишь самым впечатлительным смотрящим. Труп не мог ничего сказать, и на страх, конечно, тоже был не способен.

Всего пару часов назад тело дышало, ноздри вздымались от горячего воздуха, теперь же всё замерло, и никогда больше не суждено ей вдохнуть, подумать, посмеяться. По бледному лицу нещадно колотил острый снег, синюшные губы замерли в безмолвном крике, мёртвые пальцы утонули в снегу. Ветер тормозил её лёгкое белое платьице, бесстыдно шаря по окоченевшему юному тельцу. Белёдые кудряшки слиплись от багровой жижи, тёмным пятном впитавшейся в снег под затылком. Казалось, метель оплакивает девушку, такую молодую, невинную. Вскоре зима окутала её тело, бережно присыпала белой кромкой и похоронила в себе, унося душу далеко в морозную высь.

Человек, уже несколько минут стоящий в оцепенении возле мёртвого тела, резко развернулся и, не оборачиваясь, поспешил прочь. Шаги его эхом раздались в арке внутреннего двора, и он скрылся в потоке снега.

Утро в квартире Протасовых

Днём ранее.

Декабрьское солнце играючи облизывало обивку мягкой мебели, пробираясь сквозь лёгкий тюль в квартиру Протасовых. Отражаясь в стёклах книжного шкафа, морозный свет наполнял всю комнату, пребывающую в безмятежной тишине. Нарушали её лишь мерное постукивание настенных часов из тёмного дерева и едва слышное сопение среди вороха подушек и одеяла.

До Нового года оставалось десять дней. За ночь улицы Петербурга покрыл свежий снег, он всё ещё неспешно порхал в утреннем воздухе. Выглянув на улицу, сопящий обнаружил бы чудесную картину: изящные золочёные фасады особняка Мясникова, видневшегося из окна квартиры дома № 7 в Гродненском переулке, приделались в пышную шубу. Белый цвет очертил и витиеватый контур ограды, и тонкие ветви рябин, и хвойные лапы елей, залил собою тротуары, крыши, небо. Белым-бело!

Но сопящий только открыл глаза и тут же резко перевернулся на другой бок. Перед глазами всё ещё стоял сон, пока сознание возвращалось из ночного забытия. Он тяжело вздох-

нул и потёр кулаком веки. Снова ему привиделась она, хоть и давно не появлялась.

В груди защемило, и неприятное чувство разлилось глубоко внутри. словно бабочки, некогда порхавшие, обернулись в коконы, из которых родились.

Женя припомнил их с Олей знакомство. Это произошло ещё в школе во время летних каникул, когда его товарищи разъехались кто куда. Им с Олей было тогда лет по двенадцать, они жили в соседних домах и нередко встречались на улице, но знакомы не были. Пока однажды её кошка не убежала в подвал. Девочка плакала и боялась зайти туда, а он согласился помочь – так зародилась тёплая крепкая дружба.

Когда оба подросли, между ними вспыхнули чувства, и Женя узнал, что значит любить другого человека. Он был увлечён ею без памяти, она не покидала его мыслей, и каждый день проходил в ожидании вечерней встречи. Лавочка в соседнем дворе, скрытая кронами низких берёз, стала их пристанищем, своеобразным тайным местом, к которому нежные чувства тянули юные сердца.

Долгие прогулки по морскому городу, откровенные разговоры у маленького костра на пляже в хмурую погоду – он готов был бежать за ней куда угодно по первому зову. Такие уж они, первые чувства. Первый секс, первые ссоры, первая любовь. Для них всё было в новинку, и такими серьёзными виделись планы на будущее.

Но Оля неожиданно рассталась с ним, толком не сумев

объяснить причины. Через время он, конечно, оправился, взял себя в руки и продолжил жить дальше, правда, чувств столь же сильных пока не испытывал ни к кому.

К двадцати двум годам Женя имел парочку историй, даже несколько тайных воздыхательниц, но никто из них не цеплял его так, как первая любовь. Она осталась в его памяти тёплым светом, бесчисленным множеством моментов, которые парень не мог, да и не хотел повторить с другими.

И пусть он помнил лишь хорошее, внезапно всплывающие во снах воспоминания навевали тоску. Снова будто вскрылись старые детские раны, душу бередили прежние обиды.

«Который час?» – подумал Женя.

Нащупал телефон на прикроватном столике, поднёс его к лицу, и перед глазами замаячили уведомления. Ненужная информация от приложений, объявления о нелепых прямых эфирах, очередные несмешные видео от знакомых – ничего интересного. С прищуром от экранного света разглядел – суббота, 10.00.

Он отбросил гаджет в ноги, зевнул и сомкнул веки, но мысли и воспоминания всё носились в голове. Как бы он не укладывался, какую позу только не принимал, сна не было – пришлось встать.

Неразмятое мускулистое тело поддавалось плохо: вставая, запнулся о собственную ногу и чуть не распластался на паласе, издав при этом гулкий топот.

Скажем прямо, внешними данными молодого человека

природа не обделила: высокий брюнет, кудрявый, глубокие серо-голубые глаза и точёные скулы. Вдобавок он серьёзно увлекался дзюдо в школьное время, так что сложен был хорошо: широкая спина, сильные руки и ноги, крепкий торс, когда-то даже чётко выделялись заветные кубики. Только вот побороть неуклюжесть, которая мешала и на татами, с годами так и не удалось.

Посетив ванную, он щёлкнул чайник и уместился в углу кухонного дивана, угрюмо подперев подбородок кулаком. В этот момент послышались тихие шаги, и в дверном проёме появилась заспанная сестра в пижаме. Рыжие волосы её были взлохмачены, а на щеке остался характерный след от подушки.

– Ты чего грохочешь? – шепнула нахмурившаяся Вика.

– Извини, я запнулся, пока вставал.

Зевающая девушка прошла к графину и налила себе воды, прислонилась к гарнитуру и заинтересованно глянула на брата.

– Что-то случилось? Ты какой-то грустный.

Тот отмахнулся в ответ и пару секунд сохранял молчание, после чего всё-таки пробурчал:

– Да снова Оля снилась.

– В твоём случае не снова, а опять, – вздохнула Вика. – Давай одевайся, скоро Лия придёт на чай.

– Так рано?

– У неё были дела рядом с нами, она звонила минут пят-

надцать назад.

– Какие могут быть дела в субботу утром? – удивился Женья.

– Понятия не имею, но ты её знаешь, – сестра усмехнулась и затейливо покосилась на братца. – Она же тебе нравится, да?

– Это не так, – закатил глаза парень. – Вика, не лезь не в своё дело! Пойду приведу себя в порядок.

Он поспешил покинуть кухню, а девушка так и осталась стоять с ухмылкой.

– Ну-ну, – тихо сказала она.

Лия Адлер

Лия Адлёр семенила короткими ножками по заснеженным улицам Петербурга, восторженно оборачиваясь вокруг. Она была из тех людей, что вечно глядят по сторонам и томно вздыхают всякий раз, когда подмечают красоту обыденных на первый взгляд явлений и вещей. Это могли быть необычный окрас неба, исключительность которого была доступна лишь художникам или избранным чудакам, в число которых входила и Лия, отражение солнечных лучей в витрине аптеки, или, скажем, маленькая птичка, сидящая в кормушке и вряд ли имевшая своей целью вызывать подобные чувства прохожих.

В наушниках играли «Last Christmas» дуэта «Wham!», «Let it snow» и «Jingle Bells» Фрэнка Синатры. Окна домов кое-где были украшены детскими снежинками из бумаги; витрины магазинов на Невском пестрили цветными огоньками из-под еловых ветвей; пекарни поспешили окутаться гирляндами и мерцающими вывесками – тут и там чувствовалось приближение самого светлого праздника – Нового года.

Неспешно спускались с облаков крупные хлопья. Они невесомо падали на белую шубу Лии, а те, что не успели, скрипели под каблуками её сапог. Губы неизменно пудрового оттенка были чуть приоткрыты, выпуская частое дыхание,

от чего ресницы покрылись едва заметным инеем. Золотистые локоны развевались от торопливой ходьбы. Адлер находилась в возбуждённом настроении, не столько из-за предновогодней суеты, её она отложила на второй план, сколько из-за потрясающего известия, которое девушка спешно несла в квартиру Протасовых.

Лия вышла из дома субботним утром с уверенным настроением купить наконец новогоднюю атрибутику, которая с приближением заветной полночи всё быстрее покидала прилавки. Она была убеждена, что самое лучшее разбирают утром, и чтобы ознакомиться со всем ассортиментом бесчисленных игрушек, шариков и гирлянд, необходимо встать как можно раньше и в числе первых оказаться у заветных стеллажей. В этом году её родители уехали встречать Новый год к родственникам во Францию, оставив дом на Крестовском острове в полном её распоряжении. Адлер планировала затеять вечеринку для самых близких друзей и отнеслась к делу серьёзно: уже начала составлять плейлист, план мероприятия, расписала покупки.

Перед совершением рейда по магазинам Петербурга было решено сначала, всё-таки, заскочить на заседание Студенческого совета, бессменным членом которого Лия являлась уже второй год. Собрание затянулось, и Адлер всё чаще поглядывала на часы, боясь не успеть справиться с намеченными планами на день. Важных вопросов не поднималось, заседание постепенно превращалось в бесцельную приятель-

скую беседу. В какой-то момент Лия начала жалеть о том, что пришла, но то, что она услышала от соседки по креслу, переубедило её и даже заставило отложить до лучших времён срочную подготовку к предстоящей вечеринке. Она решила незамедлительно поделиться этим с Викой Протасовой.

Неприятные известия

День Ивана Голдина не предвещал ничего необычного. Он сидел в своём кабинете в полной тишине и пил чай из фарфоровой чашки. Здание Дома моды «Шереметев» располагалось на Дворцовой набережной, и из окон кабинета Голдина открывался потрясающий вид на Петропавловскую крепость. Правда, потрясающим он был только первые пару раз, спустя время глаз привык, и вид стал обыденным.

Утро субботы сменило вечер пятницы, который, в свою очередь, сменил вечер четверга. Начало рабочего выходного, к сожалению, было непродуктивным.

За завтраком после раннего подъёма Иван разглядел снегопад на улице, и, выйдя, сперва обрадовался ему. Наконец в Санкт–Петербурге ожидалась настоящая зима с сугробами, снегопадами и праздничным настроением, как в рекламе «Coca–Cola». Однако почти сразу детский восторг сменился насущными проблемами.

К двадцати пяти годам Иван Голдин уже занимал место модельера в одном из самых известных модных домов Петербурга, которое получил благодаря выдающемуся таланту и особому, авторскому взгляду на моду. Он считал, что время безликих моделей и несурзных образов на подиумах должно рано или поздно закончиться, и ему на смену придёт мода более приземлённая и изящная, человеческая. Иде-

альной моделью на показе Иван представлял улыбающуюся, довольную девушку, которая демонстрирует наслаждение от своего наряда, что шло вразрез с современной идеей модели–манекена. На его взгляд, ошибочным было превращать живых людей в куклы и вешалки. Кому захочется смотреть на одежду, которую несёт на себе девушка с очень грустным лицом, словно её насильно засунули в мешок из–под картошки и выставили на публику?

Такую позицию не раз критиковали модные обозреватели и прочие знатоки, присутствовавшие на показах молодого дизайнера. Они убеждали Голдина в несостоятельности, твердя о том, что продажами должен заниматься масс–маркет, а дело модельера – создавать тренды и творить высокую моду. Тогда он приводил цитату из фильма «Дьявол носит Прада»: «По большому счёту, на что направлена многомиллионная индустрия моды? На красоту души».

Его одежда отличалась нестандартными фасонами, за основу которых Голдин нередко брал винтажные образы, и почти полным отсутствием стиля «унисекс». Мода должна раскрывать человека, находить прекрасное в женском, сильное в мужском, а не подгонять всех и каждого под единые рамки и оверсайз – так он считал. Его нередко обвиняли в сексизме, на что Иван год назад ответил небольшой коллекцией женских брючных костюмов мужского фасона «нетипичных» для слабого пола цветов: хаки, грязного асфальта, некоторых других, в которых присутствовали броши, золо-

чёрные пуговицы, и модели выглядели в них женственно и сексуально. Никого особо этим не удивил: женщины носят брюки уже больше века, но коллекция смотрелась изящно и эффектно.

– Как видите, – ухмылялся Голдин в интервью одному из модных критиков, – я не создаю правил для каждого пола, а лишь подчёркиваю заложенные природой данные.

К слову, это был его первый показ под эгидой Дома «Шереметев», который принёс внушительные доходы от продаж и упрочил самого парня как модельера этого Дома, обеспечив, по меньшей мере, пару лет выгодного сотрудничества. Сотрудничество – именно так он это называл.

Иван засмотрелся на узоры чайной чашки – золотые витки, напоминавшие хохлому, игриво разбежались по белому фарфору. Его любимое сочетание цветов. Сделал небольшой глоток и прикрыл глаза.

Главная проблема, которая неминуемо всплывала в памяти в минуты забвения – символ коллекции, а вернее, его отсутствие. Группе Ивана Голдина поручили представить «Шереметев» на грядущем показе в Токио, приглашение на который с трудом удалось получить владельцу Дома моды – Петру Шереметеву. На кону стояло всё: его имя, доход, бизнес.

Несмотря на прочные позиции в российском мире моды, «Шереметев» нёс убытки. В прошлом году пришлось закрыть два из трёх бутиков в Москве и один в Санкт–Петербур-

бурге из-за сильной конкуренции и явных проблем с новыми идеями, а следовательно, и с финансами. В качестве последней попытки удержаться на плаву «Шереметев» объявил набор молодых и инициативных кадров, способных по-своему взглянуть на моду и изменить положение дел. Петр посчитал, что Дому необходим глоток свежего воздуха, и не прогадал. Был проведён конкурс, из тридцати шести кандидатов определился победитель – Иван Голдин – подающий большие надежды парень, который незамедлительно приступил к делу. Специально для его коллекции объявили кастинг моделей, и среди бесчисленного множества кандидаток были отобраны самые подходящие семь девушек двадцати с небольшим лет.

В Доме моды их стали называть «золотой группой», за несколько коллекций они почти закрыли дыры в бюджете, которые грозили «Шереметеву» разорением. Продажи поднялись, а в некоторых бутиках даже превысили показатели за предыдущий год. Теперь оставался победный шаг – показ в Токио, который либо принесёт успех и процветание, либо обернётся провалом, от которого Модный дом не сумеет оправиться.

Новогодняя коллекция состояла из женской верхней одежды и торжественных платьев, одно из которых должно было стать вишенкой на торте – символом и главным платьем коллекции. Именно с ним у Голдина возникли трудности. Черновой эскиз давно был готов, Иван беспрестанно вносил поправки: то не устраивает рукав, то длина. Уже

неделю модельера не посещало вдохновение, и он страшно раздражался из-за этого. Мог часами сидеть и молчать, затем начать бродить по кабинету в поисках идеи, но она, как ушедшая любовь, не появлялась.

Его чайную церемонию прервал стук в дверь. Не дожидаясь ответа, стучащий распахнул её и вошёл.

– Я только от Шереметева. Он страшно злится из-за стоимости тканей, которые ты запросил для пошива, – раздражённо бросила Настя и хлопнула дверью. – Неужели нельзя было заменить их на что-то подешевле?! Ты хоть иногда поглядывай на курс валют! И вообще, мне надоело выслушивать его крики и недовольства, как будто это я во всём виновата!

Голдин неспешно открыл глаза.

– Но ведь ты сама согласилась быть «посыльной совой».

– Ещё раз так скажешь, и твоя кружка полетит тебе в голову.

Настя была одной из моделей золотой группы. Обладательница фигуры песочные часы могла похвастаться помимо этого копной тёмных каштановых волос, всегда обрамлявших лицо пышной шевелюрой. Её аккуратный носик был немного вздёрнут, из-за чего девушка отдалённо напоминала Серебрянку из мультфильма «Феи», пухлые губы неизменно накрашены красной помадой. Настя выглядела драматично, что придавало ей особый шарм, на который однажды повёлся Иван Голдин. Она стала его девушкой, и их союз по-

лучился довольно контрастным: золотоволосый парень с голубыми глазами и эффектная жгучая брюнетка. В основном пара ладила хорошо, за исключением рабочих моментов.

– Это чашка, – спокойно ответил Голдин. – Он сказал что-нибудь ещё?

– Ооо, много чего ещё! Орал, что возложил на нас огромные надежды, а мы тянем со всеми возможными и невозможными сроками. Интересовался, готово ли главное платье.

– И что ты сказала?

– Что оно готово.

Иван тяжело вздохнул и опрокинул в себя остатки чая с плавающими в нём чайинками.

– Ты сейчас серьёзно?! У нас остался один день, Ваня! Завтра генеральный показ, ты должен, нет, ты обязан представить Шереметеву готовую коллекцию! А когда всё шить? Ты же потом будешь, как всегда, вносить свои поправки туда, где и так всё было хорошо!

– Хватит! – Голдин отрезал резче, чем собирался, но тут же выдохнул и взял себя в руки. – Извини.

Настя тоже вздохнула и закусил губу. Она всегда делала так, когда нервничала.

– Надеюсь, ты придумаешь что-нибудь, – с ноткой печали произнесла она.

Проблемы с коллекцией сказывались на всех: необходимо было давно начать репетировать, закупить ткани, утвердить модели, отчитаться перед организаторами показа. Промед-

ление затягивало весь процесс и означало, что работать придётся в режиме нон-стоп и буквально ночевать в Доме моды.

Пара некоторое время посидела в молчании, прервали которое звуки уведомлений телефона Насти. Взглянув на них, она опешила.

– Ваня...

Голдин не ответил. Но вид у него стал озадаченным. Он знал, что означает такая реакция Насти – ничего хорошего.

– Одна модель выбывает из группы на время показа, вторая под вопросом.

– Что?!

– Марина сломала ногу вчера ночью. Одному Богу известно куда она шла. А Жанна сейчас в больнице с подозрением на аппендицит.

– Твою ж ... – после этого последовали непристойные ругательства и возмущения, сопровождаемые размышлениями об отсутствии ответственности в части пищевого поведения и зрения во время ходьбы по оледенелым тротуарам, на которые Настя отвечала молчаливыми кивками. Голдин вскочил и заходил по комнате, его переполняла злость. Крича, он махал руками и весь раскраснелся подобно болгарскому перцу во время самой спелой части его жизни. Только этого сейчас не хватало! Главное платье не готово, времени нет, ещё и модели подводят. Вот тебе и золотая группа... В итоге возмущения превратились в отчаяние: нужно было как-то выходить из бедственного положения, но как будто сама

судьба отталкивала его от заветной цели. Модельер грузно плюхнулся в своё кресло и потер лоб. Как после шторма наступает штиль, после сотрясения воздуха пришло угрюмое молчание. Тяжёлый спёртый воздух кабинета, казалось, стал ещё плотнее, жёлтый свет лампочек в состаренной люстре словно приобрёл голос и жужжал, гудел, раздражал.

– Хочешь чаю? – наконец вымолвил Иван.

– Только если с коньяком, – отозвалась Настя.

Голдин усмехнулся.

– Этого не обещаю, но покрепче заварю.

Он поднялся с мягкого кресла и прошёл в дальний конец кабинета к кофейному столику. Руки сами знали, какой чай любит Настя – очень крепкий, даже горький чёрный чай с двумя щедрыми ложками сахара. Вскоре напиток был готов и дымился в такой же фарфоровой чашке, что и у Голдина. Чаепитие заставило немного отвлечься от неприятного разговора и приступить к принятию экстренных мер.

Новости

Женя сумел отвлечься от тоски и задремал. Ему привиделся какой-то странный сон, в котором посуда сама кружилась в воздухе, расставляясь по столу. Вилки, ложки и пакетики чая парили на салфетках, перебрасывая друг другу кубики сахара, деловитый чайник пытался остановить их, но не имел в этом особого успеха. «Что за бред?» – подумал Протасов, но не смог внести в сновидение свои коррективы, потому был вынужден наблюдать за шалостями посуды дальше. На самом деле это Вика копошилась на кухне, гремя тарелками и чашками. Послышался щелчок чайника – у сестры всё было готово. За дверью раздался стук каблуков, а затем воздух пронзил громкий дверной звонок. Гостья пришла.

Вика поспешила открыть дверь, встречая заснеженную Лию, с порога начавшую свой сбивчивый рассказ.

– На улице прямо настоящая зима! Снегу навалило целые сугробы, и он всё ещё идёт!

Адлер всучила Вике пакеты из «Буше», встряхнула свою шубу, и мелкие брызги рассыпались дождём на блестящий белый ламинат.

– Лия! Я только вчера помыла полы! – нахмурилась Вика, относя пакеты с заветным завтраком на кухню. – Дам тебе тряпку, будешь сама всё вытирать.

– Извини, – рассмеялась Адлер, – сейчас ещё с сапог нате-

чёт, но я успею убежать до момента, когда ты это заметишь.

– Ага, конечно. Здесь и так хватает любителя не отряхивать ноги. Женя! Ты где?

Парень проснулся, и кухонная утварь наконец прекратила свои баталии. Он оделся ранее и прикорнул на диване, свернувшись в неестественной позе.

– Здесь я, уже встаю...

– Здравствуй, Женя, – шепнула Лия, заглянув в комнату и умилившись заспанному выражению лица и всклокоченной чёрной шевелюре, – я принесла тебе круассан с солёной карамелью.

Парень расплылся в улыбке и сладко потянулся. Что может быть лучше свежего, хрустящего круассана с утра пораньше? Ещё и из рук такой внимательной дамы.

– Здравствуй, – зевая, пробормотал он, но Адлер уже скрылась за дверьми кухни.

Парень с трудом поднялся с дивана и потопал к девочкам, по пути разминая спину. На кухне его уже ждала кружка дымящегося чая и указанное кушанье. Он без промедлений ухватил заветную выпечку и с наслаждением откусил. Приятный хруст взбудрил сознание, круассан оказался ещё тёплым. Хорошо, что пекарня находится через пару домов, и Лия не успела заморозить завтрак на холодном воздухе.

– Так что за дела у тебя были в субботу утром? – жуя, отчего еле различимо спросил Женя.

– Ох, совсем забыла! Для начала я приглашаю вас к себе

на Новый год, хочу закатить небольшую тусовку на 9 человек, с горой разной еды, конкурсами, подарками!

Вика и Женя переглянулись.

– Только не говорите, что собрались домой. Нет! Нет, нет!

– К сожалению, да, – Вика старалась говорить как можно более успокаивающе, зная о маниакальной любви Лии планировать каждый шаг. – Мы бы с удовольствием пришли, но семья ждёт нас на праздники.

Брат и сестра Протасовы родились и выросли в Магадане – холодном северном городе на восточном краю страны, омываемом суровым Охотским морем, а учиться приехали в культурную столицу. Сейчас жили одни в небольшой двушке в центре города.

За три года докупили некоторую мебель, раскрасили обстановку своими вещами и превратили съёмное жильё в собственный уютный дом – обжились. Но на праздники всё равно каждый раз возвращались в родительский дом.

– Ребята, ну пожалуйста, вы чего, какой Магадан? Что вам там делать?

Вика хотела что-то возразить, но брат не дал ей сказать:

– И в самом деле, Вик, зачем нам ехать? Там, как обычно, никого нет, и ничего не происходит, только еда, родственники и ужасный холод, мы устанем через пару дней.

– И в самом деле, Женя, – пробурчала сестра и добавила: – Как всё у тебя просто! А что скажут родители?

– А вы что, маленькие дети? – наседала Адлер. – Ваша

жизнь теперь здесь, со мной!

Она улыбнулась во все 32 и театрально развела руками, приглашая в объятия.

– Я – ваша семья.

Вика всегда считала Новый год семейным праздником, ей нравилось, когда многочисленные тётки и дяди собирались за одним столом. Чувство единения грело сердце, было приятно послушать, как у кого дела, помянчиться с племянниками, правда, последние пару лет родственников приезжало всё меньше: кто-то уже обзавёлся большой семьёй, и покупать билеты в другой конец страны для всех её членов было очень накладно, а кто-то просто не видел в поездке никакого смысла. Но всё равно дом на праздник был полон гостей и веселья, упускать которое совсем не хотелось.

– Лия, правда, об этом и речи быть не может. Мы с Женей уже сказали им, что приедем. Через несколько дней должны бы улететь.

– Так скажите обратное, – Адлер всё ещё сидела с распротёртыми объятиями. – Вы уже взяли билеты?

– Пока нет.

– Вот и не надо, – сквозь улыбку протянула она. – Родители поймут вас. Только если вы действительно хотите отмечать со мной.

– Конечно хотим, – постановил Женя. – Я сам скажу им.

Вика вздохнула, поняв, что оказалась в меньшинстве. Действительно, перспектива остаться в Питере виделась ку-

да более привлекательной.

– Ладно, попробовать стоит.

– Ура! Я очень рада, приглашения отдам вам позже, когда сделаю их. Ещё не выбрала цветовую гамму, но уже в процессе. Как раз за этим я вышла так рано сегодня – хотела успеть купить всё самое красивое для нашего праздника.

– Но что-то у тебя не видно килограммов игрушек, – заметила Вика. – Как же ты отложила такую срочность?

– За этим я сюда и пришла, – начала Адлер, деловито размешивая сахар в чашке. – На Студсовете сегодня...

– Ты ещё и на Студсовете была...

– Женя, не перебивай меня! В общем, сегодня на собрании ко мне подседа Анжелика с 5 курса и рассказала, что её пригласили на кастинг моделей.

– Анжелику? Она же совсем низкая, – нахмурилась Вика. – Может, это развод?

– Вот и я так подумала, но потом она рассказала подробнее, и это действительно интересно. Дом моды «Шереметев» сейчас ищет двух моделей на грядущий показ, по крайней мере, одну точно. Со вторым местом пока неясно, но вполне вероятно. Как я поняла, делается это в очень срочном порядке, поэтому они не стали давать официальное объявление, чтобы провести всё тихо и не привлекать толпы желающих. Модели сами пригласили своих подруг.

– Погоди-ка, «Шереметев». Разве не туда ты в прошлом году ходила на кастинг? – Вика вспомнила, как Лия сидела

на этой самой кухне год назад и расстраивалась из-за того, что не прошла отбор.

– Да, это потрясающее место! Мне так нравятся их работы, особенно зимняя одежда, моя шуба как раз из прошлогодней коллекции. Я думаю, что нам стоит пойти.

– Нам?!

Протасова поперхнулась чаем. Её не слишком привлекала перспектива ходить по модельным кастингам в надежде, что кто-нибудь заметит её и даст продвижение, если его можно таким назвать. Да и сама карьера модели никогда не была её целью. Вика не понимала девочек, которые в 22 года всё ещё мечтают пробиться в мир высокой моды. Это казалось чем-то недостижимым, красивой мечтой. Большинство историй, которые она слышала, заканчивались рассказом о потраченном времени. В основном после модельных агентств девочки имели в лучшем случае пару рекламных публикаций и нереализованные амбиции. Только одна её знакомая добилась «медийности» – участия в одной рекламной кампании российского бренда одежды, затем она снялась в рекламе майонеза и теперь периодически мелькала в программе «По делам несовершеннолетних» на Домашнем. Крайний раз она украла сервелат – сомнительная слава.

– Конечно, почему бы и нет? Нельзя упускать такой шанс, Вика!

– Может, я не хочу.

Адлер отмахнулась.

– Хочешь. Это же интересно! Попробовать стоит в любом случае. Вдруг получится.

– А как же учёба? У нас совсем другой путь в жизни выбран, даже если серьёзно рассматривать твой порыв, мы учимся в Университете прокуратуры. Какие модели?

– Вика, перестань, это же может быть нашим хобби. Мы сможем успевать совмещать одно и другое, главное – хотеть. Я не говорю о том, что в будущем хочу стать моделью. Но сейчас, пока нам по двадцать два, почему не поучаствовать? Даже я со своей загруженностью в Студсовете готова попытаться и смогу выкроить время.

Собеседница задумалась. Может, Лия и права. За попытку никто по рукам не ударит. К тому же если всё получится, это будет, как минимум, интересный опыт.

– Хорошо, можно сходить. Но нам ведь нужно быть приглашёнными – мы в их число не входим.

Адлер, явно довольная собой, расплылась в изящной хитрой улыбке.

– Вообще-то входим. Я попросила Анжелику сказать, что с ней придут две подруги.

– Лия!

– Я знала, что ты дашь добро! Сначала она отказалась, но я пообещала поставить её ведущей на несколько мероприятий, помню, как она доставала меня с этим в прошлом году. Я умею быть убедительной.

– Это уж точно, – заметил Женя, вмешавшись в разговор

из угла кухонного гарнитура. Пока девочки обсуждали свои планы по покорению вершин моды, он уселся возле раковины и, уже расправившись с принесёнными дарами, открыл упаковку печенья, которое уплетал вместе с чаем.

– Евгений, вам виднее с вашего пьедестала, как вы думаете, у нас есть шанс? – вопрос, звучащий от сестры, был скорее риторическим, в её глазах уже теплился азарт.

– Я уверен в этом, – кивнул парень, дожёвывая печенье.

– Отлично! – воскликнула Адлер, – сбор завтра в 12:00 в здании Дома моды на Дворцовой набережной. Женя, ты пойдёшь с нами, нам необходима твоя поддержка.

Такое известие вызвало у парня тяжёлый вздох: снова ранний подъём в выходной. Так и решили.

Прозрение

Вечером того же дня Иван Голдин вбежал в свой кабинет с горящими глазами. Наконец, к нему снизошло озарение. Ведомый вдохновением и восторгом, он отыскал среди своих многочисленных записей и зарисовок эскиз главного платья.

«С фасоном всё было в порядке, как и с длиной, и с рукавами... какой же я... цвет, всё дело в нём!»

Голдин схватил маркер со стола и провёл яркую толстую линию посередине листа, после чего дыхание его стало прерывистым. Это оно – то самое! Он уверенно поднял листок и просиял. Нашёл!

– Хватит золота, платье будет красным, – с победой в голосе произнёс он и потянулся к телефону.

Воскресное утро

Вика Протасова проснулась по будильнику в 9:00 и нахмурилась, выглянув в окно. Сквозь утренние потёмки она разглядела последствия, по-видимому, разыгравшейся ночью пурги. Шквальный ветер носил потоки снежной позёмки взад-вперёд, разметая её по углам. Работяги, закутанные в шарфы и капюшоны, безуспешно пытались противостоять ему, и их то и дело сбивало с курса, вело в сторону. В общем, выходить не хотелось.

Вика накинула махровый белый халат, и мягкая ткань приятно окутала тело. Несмотря на искреннее нежелание совершать какие-либо телодвижения, заправила постель, тихонько прошла сквозь сонное царство гостиной и проскользнула в ванную.

После утреннего душа и махинаций с баночками, Вика, лёгкая и свежая, направилась в кухню, вознамерившись испечь блинчики.

Зазвонил телефон – «Лия Адлер (брать не всегда)».

– Доброе утро, я тоже встала.

– А я нет, – сонно пробормотала Адлер. – За окном творится что-то неприятное.

– Полностью согласна.

– Но мы пойдём.

– Конечно.

– Ну всё, попытаюсь встать и собраться. Если не буду онлайн через 5 минут – звони и кричи на меня.

– Так и сделаю.

Лия закончила звонок. «Такая интересная, сама же уболтала на кастинг, а теперь не может встать с кровати», – заметила про себя Вика, разбивая яйца в миску.

Она была человеком обязательным, понятия «проспала, передумала, забыла» в её жизни появлялись крайне редко. Всегда собранная, порой чересчур рациональная. Такой она была всегда, словно природа ещё в утробе записала указанные качества в генетический код.

Подруг Вики можно было пересчитать по пальцам, в основном она предпочитала одиночество и старалась не выделяться, потому порой её немного раздражал деятельный нрав Адлер. Более привлекало укутаться в плед и отдаться любимой книге, коих в её арсенале насчитывалось немало. Психология, научная фантастика, классическая русская литература – её интересовало многое, кроме любовных романов. Их она терпеть не могла. Вика бы и сейчас с удовольствием утонула в чтении, но уже решила пойти вместе с Лией на кастинг, чему в глубине души была очень рада. Ей часто не хватало встряски, чего-то яркого и необычного в течении серых будней. Сегодня как раз наступил такой момент.

Разительно отличался от своей сестры Женя. Он, можно сказать, вырос на улице и в спортивном зале, всё детство они

провели практически порознь. Объединяло их одно основание: оба могли назвать себя людьми вдумчивыми. Только если Вика отличалась в этом плане упорством, брат получил бы медаль за лень. Ему постоянно приходилось выдумывать различные оправдания, сглаживать углы. Ничего так не воспитывает цепкость ума, как необходимость хитрить.

Однако если уж он занимался каким-то делом, то всё доводил до конца. Аккуратист и перфекционист, местами педант, всего понемногу, как говорится.

Вот уж чем он по-настоящему выделялся, так это эмпатией. Протасов притягивал людей подобно магниту и на интуитивном уровне чувствовал их, умел слушать и понимать. Благодаря этому человеком он вырос исключительно обаятельным и внимательным.

Лия Адлер, повалявшись положенные ей 5 минут, встала и тоже почтила своим присутствием кухню. Её комната располагалась на втором этаже дома на Крестовском острове. Он напоминал викторианский особняк: строгий, двухэтажный, облицованный белым камнем, с большими окнами, открывающими вид на тихую улицу с одной стороны и Неву с другой. Её отец владел строительным бизнесом, от которого получал немалый доход, а мама небольшой сетью кондитерских магазинов.

Она не стала заморачиваться с готовкой и решила ограничиться парой йогуртов и бутербродами с сыром. Холодная плитка кухни морозила ноги, поэтому Адлер надела домаш-

ние тапки. Сегодня ей предстоит важный день, в этот раз она обязательно должна пройти кастинг.

Тем временем уже проснулся и Женя, учуяв запах блинчиков, и протопал к сестре.

– Доброе утро, – пробормотал он, потирая заспанные глаза.

– Доброе, – отозвалась Вика. – Я думала разбудить тебя попозже.

– Когда всё остынет? Нет уж, я буду есть сейчас, только зубы почищу.

– Выходим в 11, по такой погоде лучше рассчитать время про запас.

Дом моды «Шереметев». От одного названия в мыслях вырастает помпезный дворец, окутанный ореолом недостижимого, грандиозного. Реальность ушла недалеко: он представлял собой массивное двухэтажное строение, выкрашенное в бежевый цвет, обильно украшенное золочёными вензелями и греческим орнаментом, с колоннами у главного входа и литым балконом на втором этаже. В сводчатых окнах виднелись тяжёлые люстры и лепнина на потолке, а рядом с огромной деревянной дверью красовалась статусная золотая вывеска с теснением.

У Дома моды толпились девушки, только собрались они не у входа, а чуть в стороне – у ворот во внутренний двор, и о чём-то живо переговаривались. Их гомон доносился до

ушей ещё до непосредственной близости, однако разобрать смысл животрепещущей темы возможным не представлялось.

– Что происходит? – нахмурилась Лия.

Женя подошёл к одной из девушек, стоящей неподалёку.

– Привет, слушай, ты не знаешь, почему никто не заходит?

Девушка отрицательно замотала головой и указала пальцем в сторону внутреннего двора. Она вела себя странно и пыталась что-то сказать, но не могла вымолвить и слова. «Заикается», – подумал Протасов.

– Там... наверное, из-за этого.

– Из-за чего?

Она не ответила, развернулась и стремительно зашагала прочь. Женя, в свою очередь, направился во внутренний двор. Ворота оказались открытыми; толпа внутри поредела, но всё равно мешала проходу. Пробравшись вглубь сквозь неё, Женя огляделся.

Сначала он не заметил ничего необычного: двор-колодец, каких в Петербурге много, но уловив, куда смотрят все остальные, обомлел. На снегу, похожее на сугроб, лежало тело безжизненно бледного цвета. Заметённое, оно не сразу замечалось, отчётливо виднелась лишь аккуратная рука, неестественно выгнутая в районе локтя. Парень приблизился и потерял дар речи.

– Женя! Где ты? – раздался голос сестры из толпы.

Пробравшись сквозь людей, девочки оказались прямо за

спиной парня, и сестра озадаченно пробормотала:

– Это Оля?

Протасов не верил своим глазам. В белом платье на снегу лежала она – Оля Чайкина. По крайней мере, мёртвая была как две капли воды на неё похожа. Он подошёл ближе в надежде, что обознался, но ошибки не было.

– Вы трогали пульс?! Вызвали скорую? – бросила ошарашенная Вика толпе и подалась вперёд, намереваясь приблизиться к телу.

– Не подходите и ничего не трогайте! Всех уже вызвали! – волевым голосом остановила её брюнетка, нервно набиравшая сообщение в телефоне. – Я из Дома моды, мы уже приняли все меры.

Вокруг только и делали, что перешёптывались и блуждали. Вика взяла брата под руку и принялась что-то говорить ему, но Женя не слышал. Вернее слышал, но не слушал. Его так поразила увиденная картина, что ноги стали ватными, а окружающие звуки смешались в голове неразборчивым гулом.

– Что случилось? – произнёс он, обращаясь к брюнетке, но та не ответила, лишь продолжала барабанить пальцами по экрану и раздражённо дышать.

– Мы её знаем, это же Оля Чайкина? – спросила Вика.

Брюнетка оторвалась от телефона и оглядела двоих незнакомцев.

– Да, это она. А вы её знакомые?

– Мы близко дружили в детстве, – ответил Женя. – Так что случилось?

– Я не знаю, что и как, сама пришла недавно, она уже лежала здесь, – брюнетка тяжело вздохнула и медленно заморгала. – Ничего не понимаю, но она мёртвая.

Женя вперился взглядом в тело, бездвижно распластавшееся в паре метрах от него. Воспоминания о первой любви снова проносились в голове, сменяя друг друга. Нет, это не она. То, что сейчас лежит рядом, не может быть ей... они даже не похожи. Улыбчивая, добрая Оля и мёртвое белое тело. Оля Чайкина – лёгкая на подъём, такая активная, яркая, а это даже не живое. Может, это кукла? Или манекен? Затошнило.

– Мне нужно в уборную, – произнёс он.

– Идите в Дом моды на второй этаж, потом направо по коридору, там найдёте дверь, – указала брюнетка, пытаясь кому-то позвониться.

Вика взяла брата за руку и помогла пробраться сквозь толпу, за ними последовала и Лия, всё это время стоявшая рядом. Не без труда открыв тяжёлую дубовую дверь, Женя прошёл в здание.

– Всё нормально? – встревожилась Лия.

Парень кивнул в ответ и взбежал по лестнице, показавшейся ему нескончаемой. Рухнув, он несколько минут провёл в обнимку с «фаянсовым другом», хотя и тошнить было практически нечем: рефлекс был вызван шоком. Увиденное

так поразило его, что он едва соображал. Покачиваясь, Женя поднялся на ноги. «Соберись», – сказал сам себе и прошёл к умывальникам у окна.

Наклонившись, чтобы набрать воды, он одёрнулся: в нос ударил запах затхлого сигаретного пепла. Рядом на подоконнике оказалась пепельница. В ней лежала пара злосчастных окурков с розовыми следами. Какие-то девочки постарались ухудшить его положение. Резкая вонь вызвала новый позыв, но парень сумел его сдержать и поднял глаза на зеркало. На него смотрело лицо человека, который словно не понимал, где находится и с трудом мог вспомнить своё имя. Женя поспешил вернуться к сестре и Лии.

– Может, лучше отправить его домой? – в глазах Адлер читалась тревога, при виде бледного друга ей и самой стало не по себе.

– Я в порядке, – пробормотал Женя. – Но мне правда лучше уехать.

– Я с тобой, – Протасова уже вызывала такси. – Мы поедем, а ты оставайся на кастинг, если он будет.

– Какой кастинг?! У них человек умер, наверняка сейчас приедет следственная группа.

Лия не ошиблась: гул проезжающих автомобилей дополнился усиливающимся воем сирены. Из машины вышли люди в форме и двинулись к толпе, вскоре ворох потрясённых дам поглотил их, впустив во внутренний двор Дома моды.

– Всем разойтись! – слышалось оттуда.

Вика в упор смотрела в экран телефона, такси двигалось слишком медленно – так бывает всегда, когда очень хочется скорее покинуть какое-то место. Лия обратила внимание на нескольких девушек, собравшихся чуть поодаль от всех.

Их было пятеро. Крашенная блондинка с каре, одетая в короткую светлую шубку, вальяжно курила, прислонившись к стене. Рядом с ней стояла девушка в зимнем пальто шоколадного цвета, губы бордового оттенка были беспристрастно поджаты, сама она озиралась по сторонам и, казалось, совсем не была заинтересована процессом. Эффектная брюнетка, с которой Жене и Вике уже довелось поговорить, о чём-то нервно спорила по телефону. Ей судорожно кивала девушка в длинном пуховике и смешной шапке, готовая расплакаться. Пятая дрожала то ли от холода, то ли от смятения, то и дело поправляя жиденькие русые волосы. Адлер узнала в них моделей, видела на рекламных постерах и пару раз наткалась на их странички в соцсетях.

Такси подъехало, и троица, усевшись в теплый салон, двинулась подальше от Дома моды, который вскоре скрылся за поворотом.

Женя с трудом приподнял тяжёлые веки, суставы ломило, а ногам стало жарко под толстым пледом. «Который час?» – подумал он; телефон показал 14:47 и пропущенные звонки от мамы.

Сначала парню показалось, что ему приснился странный

сон о каком-то кастинге и мёртвой подруге. Он проснулся в своей комнате, на диване, как положено, но, обнаружив себя уже одетым, понял, что все эти события произошли наяву. Женя постепенно возвращался в реальность, переваривая факты. Его близкий человек мёртв, это точно была Оля: он видел её лицо, холодное и бледное. Но как такое могло произойти? Конечно, люди умирают, это происходит ежедневно, но всегда кажется, что твой ближний круг смерть обойдёт стороной. Разве можно умереть, когда толком ещё не пожил? Когда тебе чуть больше двадцати, и ничего не предвещает беды. К сожалению, неоправданные представления разбились о жестокую реальность. Смерть приходит ко всем, не считаясь с возрастом, судьбой, да и с чем-либо ещё.

Женя перезвонил маме.

– Сынок! Ты почему не отвечаешь?! – заволновалась она.

– Привет, мам. Уснул, – парень устало потёр веки.

– Женя, у вас всё хорошо? Мы с отцом узнали, что у Чайкиных погибла дочка – Оля, помнишь её?

– Конечно. Я и Вика стали очевидцами.

Протасов вкратце поведал утреннюю историю.

– Какой кошмар. Будьте аккуратными, следите друг за другом! – причитала мама. – Мы ходили к ним домой, поддерживали, но что тут скажешь... окажем любую помощь. Мама Оли сейчас покупает билеты в Питер, будут перевозить тело, чтобы дома похоронить. Я прошу вас, заботьтесь друг о друге! Нет ничего хуже для родителя, чем потерять своего

ребёнка.

Протасов закончил разговор и, услышав голоса, раздающиеся из кухни, решил присоединиться.

– Ты уже проснулся? Я думала, поспишь подольше, – Лия взволнованно смотрела на парня. – Хочешь чаю?

Женя не отказался. Утренняя снежная мгла рассеялась, и теперь всю комнату заливал солнечный свет.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовалась сестра.

– Сейчас нормально, мне стало плохо, когда я увидел Олю. Переволновался или, может, небольшой шок.

– Небольшой? Да на тебе лица не было! Мы довели тебя до такси, а дома ты почти сразу рухнул спать, – Адлер поставила на стол кружку ароматного чая с лимоном. – Насколько близко вы с Олей общались?

– Близко, – ответил Женя. – Оля была хорошим другом. Пусть наши пути и разошлись ещё до переезда.

– Сочувствую тебе, – Лия положила руку на его плечо. – Всё равно она была тебе не чужим человеком. Интересно, от чего она умерла?

– От падения, конечно, – заявила Протасова.

– Думаешь?

– По крайней мере, мне так показалось.

– Если так, то почему она упала? Поскользнулась на подоконнике или сама...

– Девочки хватит, давайте не будем об этом говорить, – Женя противился мысли о том, что Оля совершила само-

убийство. – Уверен, что это какая-то случайность. Ужасная случайность. Оля никогда не пошла бы на такое, наоборот, она всегда находила повод улыбаться, поддерживала всех, кто к ней обращался. Нет, это невозможно.

– Извини, – потупила взгляд Лия, и немного помолчав, произнесла, – но, знаешь, вы всё же давно не общались, может быть, она изменилась.

– Я знаю. Если я сказал, что Оля не могла этого не сделать, значит так и есть. Настолько сильно люди не меняются.

– Мы не пытаемся тебя убедить в чём-то, просто ты не знаешь, что происходило с ней долгое время. Может, случилось что-то страшное, из-за чего она отчаялась и не получила поддержки.

– Конечно, – вмешалась Вика. – Мы не знаем, как она жила, что у неё происходило. Она могла измениться до неузнаваемости, хотя я согласна и с Женей, Оля – последний человек, о котором можно подумать что-то подобное: всегда на позитиве, всё всегда хорошо... раньше было, по крайней мере.

– Серьёзно, хватит! Давайте поговорим о чём-то другом. Мало тем, что ли?

Повисло неловкое молчание. Как ни странно, иных мыслей в головах не находилось, да и отвлечься казалось жестоким, неуважительным по отношению к Оле и чувствам Жени, но раз парень сам попросил...

– Как вы думаете, что будет с кастингом? – нашлась Лия.

– Точно, вряд ли его отменяют, – Вика взяла в руки телефон. – Напишу Анжелике, может, с ней связались.

В чайной

Вика Протасова оказалась права: кастинг перенесли на 19:00 того же дня. Анжелика оставалась у Дома моды до последнего, пока не увезли тело. Из разговоров ей стало ясно, что следователям необходимо опросить всех, кто мог бы пролить свет на происшествие, а значит модели, Голдин и прочие работники «Шереметева» будут заняты делами поважнее, чем отбор претенденток. Мрачное событие прогремело как гром среди ясного неба, однако работу учреждение должно было продолжать, поэтому «золотая группа», теперь уже без двоих своих членов, решила собраться в чайной Дома моды после ухода следователей.

В комнате с длинным столом находились пятеро. Иван Голдин угрюмо смотрел в окно на внутренний двор, туда, где всего пару часов назад обнаружили труп. «Так странно, – думал он. – Встреча со смертью, особенно знакомого человека, представляется как нечто шоковое, страшное, даже вызывающее панику, в какой-то степени». Но Голдин не испытывал этого, лишь усталость и небольшую головную боль. Значит ли это, что он жестокий человек? Может, всё так из-за того, что труп обнаружили без него, кто знает...

Следователь интересовался, видел ли Иван что-то необычное перед уходом накануне, заметил ли странности в поведении Оли. Он ответил, что ничего не давало повода

для беспокойства. С ним оказались солидарны и остальные опрошенные: никто ничего не видел и, конечно же, не заметил. Сотрудники взяли записи с камер видеонаблюдения и уехали в отдел, попросив сообщить, если удастся вспомнить что-то важное.

Именно этим сейчас и занимались остальные участницы группы – вспоминали.

– В общем, я сказала, что ничего необычного не было. В записке она написала, что не может жить без парня, или что-то вроде того. Я помню, что они расставались с Максимом, вроде так его зовут, – размышляла вслух Жанна, тарабаня ложкой в чашке с чаем.

– Сомневаюсь, по-моему, у неё был Марк, и в записке было сказано: «ты не оставляешь мне выбора», – Рита говорила отвлечённо, поглощённая контуром карандаша для губ в отражении карманного зеркальца. Казалось, произошедшее не сильно её заботило.

– Какая разница, – скривилась Жанна, и светлая прядь её каре выбилась из-за уха. – В любом случае она дура.

– Жанна, – грозно подняла глаза Настя, оторвавшись от телефона. Она была занята рассылкой сообщений участницам кастинга о переносе времени.

– Нет, а что, вы считаете это нормальным? Бросаться из окна из-за расставания с парнем. Если она такая ранимая, то не представляю, как бы ей жилось дальше.

Кристина прерывисто вдохнула, поправив жиденькие во-

лосы.

– А ты чего вздыхаешь? – в голосе Жанны басом прокатились хамоватые нотки. – Вы же с ней были подружки, неужели не заметила, что ей плохо?

– В общем, нет, – едва слышно ответила Кристина. – Мы не близко общались, но я не думаю, что осуждать её сейчас правильно.

– Мне не важно, правильно это или нет. Я считаю, глупо так делать. Тем более она была очень даже симпатичная, из обеспеченной семьи. Не понимаю, откуда у неё могли быть какие-то проблемы.

– Жанна, хватит греметь ложкой, сахар давно растворился, – Рита всё ещё критично смотрелась в зеркальце, теперь сравнивая стрелки на часах. – Вообще-то я заметила пару дней назад, как кто-то плакал в туалете, но не стала интересоваться кто это и что стряслось.

– А может стоило, – выпалила Кристина.

– Она была в кабинке, – Рита деловито закатила глаза. – Мне нужно было постучаться к ней или заглянуть под дверь?

– Если бы вы хоть немного думали о чувствах других...

Её прервала Настя.

– Девочки, давайте без этого. Взаимные обвинения ни к чему не приведут, тем более она не показывала напрямую, что ей плохо, или что ей нужна помощь. У нас есть более насущный вопрос, как бы жестоко это не звучало. Дождёмся Сашу, обсудим его и разойдёмся на пару часов, всем нужно

успокоиться.

Спорить никто не стал. Через пару минут в коридоре слышались шаги, и в чайную вошла заплаканная Саша. Она скинула с себя пуховик и присела на свободный стул.

– Ну что, ты что-то видела?

Девушка отрицательно помотала головой и шмыгнула носом.

– Итак, начнём, – глубоко вздохнула Настя. – Ваня, может, ты хочешь что-то сказать?

Голдин устало пожал плечами, предоставив девушке право вещать за него. Все и так понимали, зачем собрались.

– К сожалению, происшествие с Олей... – начала она.

– Смерть.

Настя неодобрительно зыркнула на Жанну. «Какая бестактность, можно было промолчать ради приличия».

– Ты, как всегда, прямо. *Смерть* Оли означает, что освободилось ещё одно место в группе для показа, поэтому отобрать нам нужно двоих девочек. Впрочем, мы изначально и объявили набор двоих: боялись, что Жанна со своим животом останется в больнице.

– Рано списали меня со счетов.

– Так или иначе, сегодня в 19:00 к нам придут кандидатки. Их будет меньше, чем утром: многие отказались участвовать, но человек двадцать будет точно.

Кастинг

Кастинг вот-вот должен был начаться, но участницы продолжали наполнять просторный светлый зал. Их количество в сравнении с утренней толпой поубавилось, однако конкуренция всё равно оставалась высокой.

Женя с сестрой и Лией расположились на креслах в первом ряду, прямо у подножия огромного чёрного подиума, раскинувшегося на половину зала. При входе в здание Женя старался не смотреть в сторону внутреннего двора: от мыслей об утренних событиях становилось не по себе. Вот и сейчас он гнал печаль, убеждая себя улыбнуться и поддержать девочек.

Вика и Лия были одеты в простенькие футболки и велосипедки: такие условия выдвинули для прохождения кастинга. Макияжа тоже следовало нанести как можно меньше, однако здесь обе проштрафились. Минимум, но не отсутствие. Вика подвела глаза, а Адлер, по скромному мнению Протасова, словно светилась изнутри. По-женски это называется хайлайтер.

Помпезность Дома моды снаружи подкреплялась и обстановкой внутри: высокие потолки в лучших традициях до-революционной России, хрустальные люстры, канделябры и море зеркал. На главной лестнице первого этажа прибывающих участниц встречала Настя Орланова – жгучая брюнетка

в красном брючном костюме, с которой Жене и Вике мельком удалось поговорить утром, она приветствовала входящих и направляла в зал для показов на второй этаж.

Невольно создавалось впечатление, что это хозяйка бала встречает гостей у порога своего нескромного жилища, держалась она доброжелательно и беззаботно. По крайней мере, так казалось.

– Семь минут до начала, – тихонько пролепетала Лия, заламывая пальцы. – Что-то я волнуюсь, да и от запаха духов уже тошно, как в «Летуаль» восьмого марта.

– Если ты волнуешься, то представь, какого мне, – наклонилась к ней Вика. – Не помню, когда последний раз надевала каблуки... хоть бы не завалиться на этом их подиуме.

– Спокойно, девочки, чего вы переживаете? – Протасов постарался говорить как можно увереннее, дабы успокоить своих спутниц. – Вам нужно всего лишь красиво покружиться в платьях, вы же не в рукопашном бое соревнуетесь.

– Женя, лучше молчи, – вздохнула Вика. – «Покружиться».

– Ага, как снежинки на утреннике, – поддакнула Лия.

Часы указали ровно 19.00, и в зал стройным рядом вошли модели. От их появления все стихли и замерли. Пять абсолютно непохожих друг на друга девушек уверенно шагали на каблуках, словно в них и родились. Выглядели они превосходно: шикарная одежда, безупречные макияж и причёски, всё в них говорило: «мы соответствуем вашим ожиданиям».

Предводительствовала колонне Настя, пока остальные рассаживались за столом напротив подиума, она остановилась перед ним и улыбчиво осмотрела присутствующих.

– Добрый вечер, дамы, – взгляд её упал на Женю, – и их очаровательные спутники. Все знают, зачем мы собрались сегодня, поэтому без долгих предисловий. Вам выпал шанс попасть к нам в очень упрощенном порядке, но не думайте, что всё будет слишком легко. Выбирать двоих из вас сегодня предстоит нам – действующим моделям, возможно, позднее присоединится и главный модельер – Иван Голдин. От вас требуется по парам пройти по подиуму, задержаться на центре и медленно повернуться на триста шестьдесят градусов.

– Покружится, я же говорю – шепнул Женя Лии на ухо.

– Далее вы проходите на конец подиума, задерживаетесь там на три секунды, после чего следуете к началу и уступаете место другой паре. Вызывать будем пофамильно. Для наглядности Жанна и Рита сейчас продемонстрируют то, что я сказала.

Последние слова она выделила особенно чётко. Блондинка в синем кителе и обладательница бордовой помады вышли из-за стола и направились к началу подиума. Настя продолжала:

– Когда каждая из вас пройдёт по одному разу, мы выберем тех, на кого хотим посмотреть снова, и таким образом внимательно рассмотрим всех. Мы можем попросить припод-

нять подол платья, зафиксировать руки на поясе, в общем, всё, чтобы рассмотреть фигуру.

– Надеюсь, хоть догола не разденут, – шепнула Вика.

– Внимание на подиум! Девочки, начинайте.

Жанна и Рита спокойно и синхронно прошлись по указанному маршруту, не глядя под ноги. Казалось, разбуди их посреди ночи – они с закрытыми глазами пройдут по прямой.

– Если все готовы, предлагаю приступить.

Возражений не последовало.

– Музыка!

В зале заиграла ритмичная мелодия, на что колени Лии отозвались лёгкой дрожью. Приближался момент икс, незнакомые фамилии всё звучали, конкурентки одна за другой выполняли заявленные несложные действия, пока, наконец, не объявили: «Готовятся Адлер и Протасова».

– Лия, я дрожу, – прошептала Вика.

– Улыбайся и получай удовольствие, – Адлер выдохнула, взяла подругу за руку, и вместе они поднялись на подиум.

Настя Орланова закрыла дверь в чайную как раз в тот момент, когда чайник издал характерный щелчок, извергая клубы пара.

– Что скажете? – спросила она.

– Что лучше нас никого нет, – улыбнулась Рита, вставая за чашкой. – Если честно, у меня всё в голове смешалось. Они все вроде бы ничего, но и не ах... короче, я не знаю.

– Согласна, – кивнула Саша. – Сложно вот так выбирать, давайте пройдемся по списку?

Орланова положила листок с фамилиями на центр стола.

– Мы уже вычеркнули половину, осталось 10 человек.

– Не поняла, а почему мою Лену зачеркнули? – выпучила глаза Жанна. – Я сама её пригласила, между прочим, мы с ней когда-то работали в паре.

– Потому что она ходит вприпрыжку, и плечи слишком широкие, – ответила Настя.

– Зато Протасову оставили! – пробасила блондинка. – Она вообще рыжая.

– Я тоже наполовину рыжая, – заметила Рита.

– Так не бывает, – скривилась Жанна, – ты шатенка.

– Девочки! Мы почти два часа смотрим их, – повысила голос Настя, – давайте определяться.

– Я предлагаю Адлер, – мягко произнесла Саша, указывая аккуратным ноготком на фамилию в списке. Саша Нагаева была похожа на фарфоровую куклу: тёмные гладкие пряди, светлая кожа, чувственные губы, большие синие глаза сияли из-под изогнутых бровей. – Она стройная, чувствует ритм, лицо выразительное.

– Категорически нет, – отрезала Рита. – Она похожа на гибрид Кристины и Жанны. Блондинка с прямыми чертами лица – оригинально...

– Мне она тоже понравилась, – возразила Настя. – Держится уверенно, у нас нет времени переучивать кого-то. Что

касается Протасовой, она необычная, весьма приличная фигура и лицо такое... аскетичное что ли.

– Обычное у неё лицо, – отозвалась Жанна. – И ноги ел ходят.

– Жанна, что ты выдумываешь, нормальные у неё ноги! – нахмурилась Орланова. – Прости, что не взяли твою Лену, но она объективно не подходит. Кристина, что ты думаешь?

Кристина закусила губу и элегантно поправила свои тонкие русые волосы. Из всех моделей она выглядела наиболее лёгкой: тонкость проявлялась во всех чертах внешности, что навевало образ аристократки.

– Я считаю Адлер и Протасову самыми подходящими. Остальные либо похожи на кого-то из нас, либо в числе зачеркнутых. К тому же они умеют подать себя – это тоже очень важно.

– И я за них, – закивала Саша, – ну... и одна из них знала Олю Чайкину, думаю, будет правильно взять её.

– Это-то тут причём, – закатила глаза Жанна.

– Так мы поступим уважительно по отношению к ней, раз уж пришлось искать ей замену, – на последних словах на большие глаза Саши накатили слёзы.

– При всём уважении, она больше не имеет права голоса.

– Жанна, зачем ты так?! – неожиданно громко произнесла Кристина.

– Извините, я не могу об этом не думать, – заплакала Саша.

– Спокойно! – скомандовала Орланова.
«Балаган», – подумала Рита.

Решение принято

После объявления результатов кастинга в зале началось движение участниц, сопровождаемое возмущёнными перешёптываниями. Лия пищала от радости, а Вика до конца не могла поверить в то, что её выбрали среди более достойных, на её взгляд, кандидаток. Жене радостно было видеть победительниц: хотя бы что-то приятное произошло за этот странный день.

– Девочки, я попрошу вас остаться ненадолго. Нужно построить общую картину, для этого подъедет наш модельер, – Настя неожиданно появилась за спинами троицы, сияя лучезарной улыбкой.

– Ненадолго – это на сколько? – нахмурился Женя, его совсем не прельщала перспектива провести остаток вечера в ожидании.

Орланова пожала плечами.

– Всё зависит от модельера. Минут сорок – максимум, сегодня мы уже не готовы на долгие репетиции.

– А обычно репетируете допоздна?

Настя иронично усмехнулась.

– Когда как, в дни перед показом пашем до ночи. Я пойду провожу участниц, надеюсь, они не растерзают меня за наше решение. Посидите здесь, скоро остальные девочки придут.

Орланова деловито удалилась, и Вика зашипела на ухо

Ли:

– До ночи?! Это что за репетиции такие? Я на это не подписывалась.

– Поздно рыпаться, – шепнула Адлер и улыбнулась куда-то в сторону. – К нам идут.

– Привет! – девушка, похожая на фарфоровую куклу с глазами Бэмби, цокала летящей походкой, от неё не отставала аристократичная коллега. – Я Саша Нагаева, рада с вами познакомиться.

Вслед за Сашей представилась Кристина Синицына, все обменялись любезностями.

– Как вам у нас? – спросила Нагаева, присев на кресло рядом с Викой.

– Пока не успели понять, – Протасова глянула на Лию. – Меня привела подруга, сама бы я ни за что не пришла.

– Тебе повезло, что есть такая подруга, – заулыбалась Саша, – вы обе очень красивые! Надеюсь, вы с нами надолго.

– Спасибо, – засмушалась Вика, – но до вас нам далеко, по крайней мере мне.

Лия в шутку цокнула языком и с видом знатока произнесла:

– Она вечно приbedняется, нужно это исправлять. Привыкай, теперь мы будем блистать!

– Раньше я тоже считала себе недостаточно красивой, – Кристина изящно поправила свои русые волосы. – Меня обзывали анорексичкой на первом курсе, но я махнула на них

рукой и пошла в модельную школу. Пока это было лучшим решением в моей жизни, я – пример того, что все ограничения в голове.

– В любом случае вы привыкнете, – произнесла Саша, чуть наклонив голову в бок, словно маленькая птичка. – Очень рада знакомству!

Тем временем зал для показов опустел, Женя огляделся по сторонам и заметил в дальней стороне комнаты ещё одну девушку. Она скучающе смотрела в телефон, чинно расположившись за столом импровизированного жюри.

– А кто это там? – тихонько спросил он у Саши.

– Где? За столом? Это наша Рита. Рита Казановская, – голос девушки стал тише. – Она не особо общительная, иногда бывает противной, но в душе она очень добрая.

Кристина едва заметно скривила губы и опустила взгляд в пол, что не укрылось от внимания Протасова.

Звонко стуча каблуками, в дверях появилась Настя.

– Главный модельер подъедет через пару минут, и будем начинать – объявила она. – Завтра проведём для новеньких девочек экскурсию по зданию и покажем места в гримёрной.

Орланова нахмурилась, оглядываясь по сторонам.

– А где Жанна?

Последняя не заставила себя ждать, стремительно влетев в зал. По пути она чуть не сбила Настю с ног, задев плечом в проходе. Лицо её покраснело от гнева, а руки она так сильно сжала в кулаки, что костяшки белыми выступами прореза-

лись сквозь кожу. словно буря нагрязнула она. Громко протопав в центр комнаты, Жанна остановилась и грозно осмотрела присутствующих.

– Где моё кольцо? – пробасила она, зыря на модели из стороны в сторону.

Повисла тишина, никто не понимал, о чём идёт речь.

– Какое кольцо? – недоумевала Настя.

Жанна резко обернулась на неё, и несколько прядей светлых волос выбились из-за уха и повисли на лбу. Она походила на разъярённую кошку, готовую наброситься на жертву, как только выдаться случай.

– Издеваешься?! Я каждый день ношу одно и то же кольцо! Из белого золота. С большущим таким сапфиром! Я спрашиваю ещё раз: где моё кольцо?

– Жаннэт, дорогая, успокойся, – промурлыкала Рита, увлечённая состоянием своих ногтей. – Может завалилось куда, или уборщица взяла.

– За дуру меня держишь?! Вчера перед репетицией я сняла его в гримёрке и положила на свой стол! Кто-то из вас украл его, и я обязательно узнаю, кто это сделал!

– Не стоит бросаться обвинениями просто так, – мягко произнесла Саша, хлопая ресничками. – Давайте все вместе поищем его в гримёрной. Ты смотрела на полу?

– На полу ты будешь искать своё лицо, если я узнаю, что это ты!

Неожиданно среди женского гомона раздался мужской го-

лос:

– Что у вас случилось?

Иван Голдин застыл в дверях: увиденное заставило его задуматься, стоит ли вообще входить. Влезать в ссору разъярённых дам бывает небезопасно.

– О! Главный модельер подоспел, отлично! – кричащая Жанна вмиг сместила объект внимания с моделей на Голдина. – Знаете ли вы, господин начальник, что у нас в коллективе воровка?!

– Во-первых, успокойся! – чуть повысил тон Иван и предусмотрительно выставил руки вперёд. – Объясни по порядку, что у тебя случилось.

– С удовольствием! Вчера перед репетицией я сняла своё любимое кольцо и положила его у зеркала, не на край стола, не сбоку, а прямо по центру! Случайно задеть его было никак нельзя! Никто, кроме нас в гримёрную не заходил, уборщица ушла раньше. Дома я увидела, что кольца на мне нет. Между прочим, такое не в первый раз! Недавно у Насти пропал браслет! Правда же?! – Жанна уставилась на Орланову, удивлённо хлопавшую глазами.

– Да, но, может, я сама его потеряла.

– Ничего подобного! Ты оставила его в гримёрке, а потом он пропал! Ты же сама мне говорила! Это уже не смешно! – Жанна обернулась к остальным в зале. – Значит так, я жду своё кольцо на столе, иначе разговаривать будем по-другому.

– У вас всегда так весело? – шёпотом спросила Вика у

Саши.

– Постоянно... это Жанна, вы привыкните и к ней.

Обстановку разрядил Иван Голдин, хлопнув в ладоши и весело произнеся:

– Ну раз всё разрешилось, давайте приступать к делу, – он широко улыбнулся Лии и Вике. – У нас сегодня новенькие, добро пожаловать! Девочки, прошу всех выйти на подиум, посмотрим, каков будет рисунок.

– Он милый, вы бы неплохо посмотрелись, – вполголоса произнесла Лия на ухо Протасовой, и получила в ответ недовольное фырканье.

– Боже, Лия, иди на подиум.

Построение действительно заняло немного времени, через четверть часа Голдин определился. Помимо индивидуальных выходов планировалась и работа в парах. Лию приставили к Кристине, а Вику к Саше, Жанна осталась в паре с Ритой, а Настя всегда работала только соло.

– Финальный рисунок будет состоять из лучших представленных образов, включая главное платье коллекции, его обладательница будет стоять по центру. До сегодняшнего дня это была Оля Чайкина...

Иван изменился в лице, и на мгновение Жене показалось, что взгляд его стал туманным, но Голдин быстро взял себя в руки.

– Которая трагически скончалась вчера вечером. Пока я не могу сказать, кто из вас получит платье, но в ближайшее

время приму решение. Всем спасибо, можете расходиться по домам и отдыхать! Завтра нас ждёт тяжелый день. Новенькие, – модельер подмигнул Лии, – рад вас видеть. Жаль, что при таких обстоятельствах. Приходите пораньше, скажем, часов в десять – устроим вам экскурсию.

Есть тело, нет дела

Новоиспечённые модели, уговорив пойти с собой Женю, были пунктуальны. В назначенное время они без труда нашли кабинет Голдина на втором этаже: главная лестница разделялась на две небольшие и поворачивала в противоположную сторону, и кабинет находился прямо по центру меж ними. На двери красовалась золотая табличка с гравировкой: «Главный модельер Дома моды «Шереметев» Иван Голдин». Женя невольно подумал о том, что скромности модельеру не занимать.

– Доброе утро! – воскликнул Голдин, оторвавшись от эскизов. Он приходил в прекрасном расположении духа и улыбался как голливудский актёр. – Я как раз ждал вас, Лия и Вика, правильно?

Девочки улыбочиво закивали в ответ.

– А вы... – недоумевал Иван, глядя на парня.

– Это мой брат – Женя, – поспешила представить Вика. –

Мы попросили его прийти с нами для поддержки.

Парни пожали друг другу руки.

– Приятно познакомиться, – выдавил Голдин. – Это немного странно, конечно, мы не пускаем на репетиции посторонних. Надеюсь, дальше вам поддержка не понадобится. Но раз уж вы все здесь, в первый день сделаем исключение. Идём, я вам всё покажу!

Женя подумал, что лучше бы исключений не было, и он бы отправился домой.

Голдин уверенной походкой водил троицу по коридорам Дома моды, показывая основные помещения, которые использует его модельная группа. На первом этаже располагались гардероб и чайная комната, где можно было провести перерыв во время репетиций. В основном и главный модельер, и модели находились на втором этаже: слева от кабинета Голдина располагался зал для показов, вправо вглубь здания уходил длинный коридор. Женя сразу узнал уборную, где ему довелось побывать вчера утром, она находилась через стенку с кабинетом модельера.

– В коридоре нам отданы две комнаты, – чинно произнёс Голдин, открывая дверь. – Это наша гримёрная. Теперь и ваша.

Гримёрная являла собой небольшое помещение, где по центру стояли два ряда столов с зеркалами и лампочками, заставленные всевозможной косметикой. Каждой модели полагался свой столик, чтобы она могла подготовиться к показу.

– Класс! – запищала от восторга Лия. – А какие из них наши?

Голдин рассмеялся, умилённо глядя на новую модель. Про себя он отметил, что она очень недурна собой.

– Когда закончите с экскурсией, я покажу вам ваши места, – из-за зеркала выросла Жанна с одним накрашенным

глазом.

От неожиданности все отпрянули.

– Что, красоты моей испугались? – пробасила блондинка и расхохоталась. – Я сама её иногда боюсь.

– Каждое утро модели начинают с макияжа – это стало нашей традицией. Девчонки приезжают ненакрашенными, либо смывают свой домашний мейк и наносят профессиональный. Забирать с собой средства нельзя, но в Доме моды пользуйтесь сколько хотите. Собственно, мы закончили, – подвёл итог Голдин. – Дальше по коридору костюмерная, но она закрыта.

– Почему? – невинные глаза Лии уставились на модельера. – Нам так нравилось всё здесь смотреть.

«Да уж, конечно», – раздалось в голове у Жени.

– Её опечатали следователи. Сказали не входить: они думают, что Оля – наша модель, вчера выпала оттуда из окна...

– Ещё бы, – прервала Жанна из-за зеркала. – Тело лежало на снегу прямо под открытым окном, наверху костюмерная, пуховик её там же.

Повисло молчание. Модельер пожелал всем удачи и удалился в свой кабинет. Через некоторое время гримёрная заполнилась моделями.

Женя наблюдал за девушками у окна, потягивая чай, который ему любезно предложила и налила Саша Нагаева. Она показалась ему самой милой из всех: аккуратная, приятная, на первый взгляд – примерная девушка, на которой желает

жениться каждый второй парень. От неё прямо-таки веяло добротой и домашним уютом.

Рядом с ней за соседним зеркалом красилась Кристина. Женя пытался угадать черты её характера по поведению: спокойные движения и взгляд, ровная осанка, осторожно обращается со своими баночками и палетками с косметикой, которую почти не использует. Она создавала образ гордой лани, скромной и воспитанной. Такие девочки обычно прилежно учатся, исполнительны в делах, но совсем не умеют веселиться.

Вот кто точно умеет, так это Жанна. Она не слишком вязалась с образом модели: агрессивная, громкая, нетактичная, судя по её выходке с кольцом, зато её с легкостью можно было представить королевой застолья, причём именно русского – с майонезными салатами, жареным мясом, водкой. При мыслях о жареном мясе у Жени заурчало в животе. Он предположил, что Жанна выросла «во дворе», в компании мальчишек, представил, какая музыка бы ей подошла, и когда понял, что это группа «Воровайки», решил сменить объект внимания.

Следующей под его взором оказалась Настя Орланова. Лежащий рядом с ней телефон без конца вибрировал, девушка периодически тяжело вздыхала и тарабанила пальцами по экрану. Создавалось впечатление деловой, собранной начальницы, вела она себя раскованно и по-лидерски. Интересно, это лидерство было официальным или негласным?

Глядя на Настю, можно было сделать вывод, что это не имеет значения: она была из тех людей, которые инстинктивно становятся главными в какой-либо группе. Волевая, гордая, возможно, немного высокомерная.

Верх же высокомерия представляла собой Рита, хотя в её случае оно было скорее напускным. Движения напоказ, вальяжность, всем видом будто бы пыталась сказать: «я тебе не по зубам». Взгляд её был хитрым, возникла ассоциация с лисой из детских сказок. Неожиданно лиса заговорила:

– Кстати, я кое-что знаю о том, что думают следователи насчёт смерти Оли.

Модели перестали краситься и удивлённо уставились на Риту, ожидая продолжения, Женя замер с чашкой в руке. Ей это явно нравилось, и говорить Рита не спешила.

– Ну же, не томи, – с раздражением в голосе выпалила Орланова.

– Утром я говорила с отцом, он начальник следственного отделения, уголовное дело заводить не будут. Следователи не нашли признаков преступления: в костюмерной всё чисто, следов борьбы нет, видимых повреждений на теле помимо раны на затылке – тоже. Провели вскрытие: причина смерти – удар головой о лёд при падении, если по-простому.

– Как они так быстро приняли решение? – нахмурился Женя.

– Новый год на носу, – многозначительно произнесла Рита. – Да и чего там думать: записка в руке, в месте ударов о

лёд – кровь. Самоубийство. Нет состава преступления.

Девочки, сохраняя молчание, продолжили краситься; атмосфера наполнилась тоской, и никто не решался нарушить тишину, да и сказать было нечего.

– Подождите, так значит, она вернулась после того, как ушла? – спросила Саша.

– Я тоже об этом подумала, – произнесла Кристина.

Рита замешкалась, принялась рыться в косметичке, затем вздохнула и сказала:

– Да. Но я не должна была этого говорить.

– Интересно, зачем? – допытывалась Жанна. – Давай, Рита, сказала «а» – говори «б».

Немного подумав, Казановская выложила:

– Говорю по строжайшему секрету, Голдин позвонил ей и пригласил на срочный разговор. Она прибежала.

– И? – не унималась Жанна.

– И они поговорили. Он сказал следователю, что отдал ей главное платье, она согласилась, потом вышла из кабинета и завернула в коридор, видимо, затем в костюмерную. Это видно на записи с камеры, которая висит в холле, но она показывает только лестницы и дверь Голдина. Сам он за ней не пошёл, закрыл кабинет через час и всё, я больше ничего не знаю! Хватит меня выспрашивать!

– Сама же начала, – фыркнула Алфёрова. – Не, ну ты дело говоришь. Зачем её убивать? Жила, никому не мешала, с наркотой не связывалась.

– Девочки, хватит, – деловито прекратила прения Орланова. – Вы не следователи, готовьтесь и пойдём на репетицию, Жанна, почему ты до сих пор второй глаз не накрасила?!

– Я накрасила! Он получился не такой, как первый, сама уже замучилась.

– Боже мой, давай скорее, остальные кто готов, идём.

Первая репетиция

– Два, три, четыре! И раз, два, три, четыре! Кристина, не маши руками, сколько раз говорили! Новенькие, чётче движения! И раз, два, три!

Голдин хлопал в ладоши, отбивая ритм и взмахивая руками, словно дирижёр. Он объяснил девочкам рисунок и порядок выхода, что теперь упорно отрабатывали. В зале играла мелодия, казавшаяся бесконечной, и модели уже битый час маршировали под неё на каблуках. Со стороны происходящее напоминало кордебалет, девушки сохраняли синхронность и двигались, словно в причудливом танце.

Женя внимательно наблюдал за сестрой и Лией. Они то и дело забывали, когда должны выходить, мешкались, раскраснелись, но старались не выбиваться из общего темпа. Он засмотрелся на золотистые локоны Адлер, её суетливую походку и усмехнулся серьёзному выражению лица.

Лия была очень хороша собой, и порой Женя ловил себя на мысли, что она симпатична ему. Её звонкий смех пробуждал в нём то, что, казалось, давно уснуло где-то в глубине души, но отчего-то он гнал эти мысли подальше.

Всё же то, что он испытывал к Оле, несравнимо с лёгкой симпатией к Лии Адлер. И пускай он чувствовал притяжение к ней, всё же осекал свои порывы. Обозначить чувства значило впустить в свою жизнь нового человека, был в этом

какой-то риск. А рисковать он не любил.

Хорошо натренированная улыбка выделяла уже состоявшихся манекенщиц от двух только что прибывших, лица их выражали непринуждённость. Одна лишь Саша отличалась. Сначала это было едва заметно, но с каждым новым выходом на подиум она становилась всё мрачнее. Уголки губ её подрагивали, взгляд всё чаще уходил в пол, в конце концов, заблестели глаза.

– Стоп! Стоп, музыка! – заорал Голдин. – Саша! В чём дело?!

– Простите, я не...

По щекам девушки покатались слёзы, она запрокинула голову назад и принялась обмахиваться.

– Что такое?! Тебе больно ходить?

Саша всхлипнула и отрицательно замотала головой.

– Тогда что?! Что?! Почему обязательно нужно превращать каждую репетицию чёрт пойми во что!

Нагаева отдышалась и утёрла слёзы. Женя пришёл в недоумение, наблюдая за всей этой картиной со зрительского кресла. Ему захотелось увести бедную плачущую девушку с подиума, настолько беззащитной она выглядела, словно маленькая овечка среди стаи волков.

– Саша, дыши, – сбавил обороты модельер, – дыши. Ты можешь продолжать? Умиравший лебедь мне не нужен – если тебе плохо, давайте сделаем перерыв.

Саша кивнула и ринулась из зала, Голдин вздохнул, утёр

лоб и объявил:

– Перерыв десять минут!

Остальные модели устало рухнули на сидения, обмахиваясь всем, что попадёт под руку. По кругу пустили бутылку воды. Вика посмотрела на дверь, в которую только что вышла Саша, и куда теперь направлялся её брат.

– Может, у неё что-то серьёзное? – обеспокоенно спросила она у девочек.

Никто не ответил. На Вику устремились лишь скептические взгляды.

– Она постоянно ноет, – перебивая одышку отмахнулась Рита. – По поводу и без. Мы не реагируем: умоется, успокоится и придёт.

Тем временем Женя осторожно дотронулся до плеча Саша, тихонько вздыхающей у туалета. Девушка отпрянула от неожиданности: за звуками собственного плача ей не было слышно приближавшихся шагов.

– Всё нормально?

Саша молча закивала в ответ, но затем мотнула головой и снова расплакалась. Женя приобнял её, и девушка окончательно дала волю чувствам.

– Проплачься, не бойся, – приговаривал Протасов, – мне не впервой быть жилеткой.

С минуту слёзы, утираемые ладонью, сочились по щекам, а Женя осторожно покачивал её из стороны в сторону. Он знал, что в такие моменты слова излишни, нужно, чтобы кто-

то просто был рядом, обнимал и молчал. Наконец Нагаева престала всхлипывать и разомкнула объятия, вид у неё был, как у обиженного ребёнка: красные глазки, размазанные слёзы и сбившееся дыхание.

– Спасибо... – пролепетала она.

В кармане пиджака Протасова нашлись салфетки, он протянул одну из них девушке, и та аккуратно стала промакивать ею глаза.

– Не поделишься, в чём дело?

Поначалу Саша молчала, лишь её неровное дыхание нарушало тишину, но затем её будто осенило, она серьёзно посмотрела на парня.

– Ты ведь знал Олю?

Последовал утвердительный кивок.

– Тогда ты поймёшь, о чём я хочу сказать. Она точно не прыгала из окна. Я уверена, что не сама. Все делают вид, будто ничего не случилось, словно её с нами никогда и не было! Как они могут думать о каких-то рисунках, музыке, репетициях?!

– Я понимаю. Но тогда получается, ты хочешь сказать...

– Да, – шепнула Саша. – Я не верю в это, но в самоубийство Оли верю ещё меньше. И то, что Рита утром сказала о решении следователей, меня поразило. Почему они внимательно всё не исследовали? Я не понимаю.

– Наверное, не возникло никаких вопросов, – Протасов пытался найти слова. – Послушай, это серьёзные обвинения.

Может, они и правы, люди могут многое скрывать от окружающих, в том числе свои переживания.

– Нет, – отрезала Нагаева. – Говорю тебе, нет.

Из зала послышался голос Голдина, он звал Сашу обратно.

– Давай встретимся после репетиции, я кое-что тебе расскажу.

С этими словами она спешно зашагала прочь.

Показания Саши

Маленькие зефирки медленно таяли в чашке какао, о которую Саша грела ручки. От напитка исходил лёгкий и манящий аромат шоколада. В пекарне через пару домов от Дома моды, куда было решено зайти после репетиции, играла приятная музыка, она настраивала на разговор.

Женя присел за стол, дождавшись свой американо, и теперь с интересом ждал, что же скажет ему эта милая девушка с глазами Бэмби. Он попросил сестру и подругу идти домой без него, сказав, что приедет к ним позже и всё объяснит.

Но пока Саша молчала, лишь задумчиво смотрела на какао, как будто сомневаясь, стоит ли говорить.

– Ты хотела о чём-то рассказать мне, – начал Женя.

– Да, хотела.

– Но теперь не уверена, что хочешь?

Нагаева посмотрела ему в глаза и едва заметно улыбнулась.

– Ты всегда такой пронизательный?

Женя усмехнулся и с гордостью произнёс:

– Так уж вышло. На самом деле совсем нетрудно понять то, что написано на лице. Но раз уж мы здесь, может, всё-таки поделишься со мной? Обещаю, это останется в тайне.

– Я беспокоюсь не об этом, а о том, что ты можешь обо мне подумать. Но ты прав, лучше я расскажу. Сначала я хочу

спросить: откуда ты знаешь... знал Олю?

Протасов вкратце поведал Саше историю их знакомства.

– Тогда ты точно понимаешь, что она не могла совершить самоубийство. Тем более из-за какого-то парня. Она была совсем не таким человеком. Мы с ней тесно общались иногда, у меня даже сложилось впечатление, что мы подруги. И если бы вдруг у неё были какие-то проблемы, она могла бы поговорить со мной. Конечно, есть вещи, о которых и самым близким не всегда расскажешь, но, ведь если человека что-то терзает настолько сильно, что он не видит иного выхода кроме смерти, с ним же должно что-то происходить. Он будет подавать какие-то сигналы, перемены в настроении, странное поведение, да хотя бы грустное лицо!

– Ничего такого не было?

– Абсолютно! Насколько я помню, последние пару дней Оля, наоборот, светилась от счастья! Это ли не странно? И мне совсем непонятно, почему остальные девочки и Голдин оказались такими жестокими.

– Может, пытаются не думать об этом.

– Но так не делается! Это неправильно! Погибла часть нашей группы – Оля Чайкина, наша Оля, почему они делают вид, что ничего не случилось?! Любые разговоры о ней сразу пресекаются: Орланова закрывает тему, но почему бы её не обсудить? Это очень важно! Какой же мы коллектив, если так относимся друг к другу? Тем более, что...

Нагаева умолкла и поднесла стакан к губам.

– Тем более что? – спросил Женя.

– То, что я расскажу, не должно дойти до девочек, ясно? Особенно до Риты.

– Конечно.

– В общем, когда нас опрашивали, я сказала не всё.

Женя удивлённо смотрел на Сашу. Что она имеет в виду? Что может знать, и почему смолчала?

– В тот вечер я была там. Вернее, сначала все были в Доме моды, репетировали допоздна, но потом разошлись. Я уходила самая последняя: ждала, пока подешевеет такси и курила у чёрного входа. Оля тогда ушла вместе с Ритой, обычно они всегда ездили домой вместе на одном трамвае. Но дело не в этом, я так сбивчиво говорю... главное то, что я вернулась туда.

– В Дом моды?

– Да. Мы с парнем снимаем квартиру, приехала домой – ключей нет. Я по карманам – пусто, в сумочке тоже нет. Парень ушёл в ночную смену, и я решила поехать в Дом поискать свои ключи в гримёрке, ведь Голдин всегда засиживается до ночи. Я молилась, чтобы он ещё не ушёл и не закрыл дверь. В общем, мне повезло, если можно так сказать: я нашла ключи на столике, а затем увидела силуэт.

Женя хмурился и пытался сообразить.

– Какой силуэт?

– Боже, я опять всё перемешала, – Саша отпила какао и какое-то время помолчала, собираясь с мыслями.

– Когда я уходила из Дома – из Дома моды, мы сокращаем название – то спустилась через чёрный вход. Вечером мы используем только его, потому что главный закрыт. И уже у самой двери слышала шаги наверху, вернее стук каблуков. Кто-то пошёл за мной. Я спросила: «Кто это?» и выглянула из-за перил, и тогда этот кто-то быстро зашагал обратно, почти побежал. Я увидела только тень. Сначала не придала этому значения, до сегодняшнего утра.

– И что же тебя смутило?

– Мы знаем, что Оля тоже вернулась в Дом в тот вечер. Правильно? А сегодня Рита сказала, что Голдин не выходил из кабинета. Получается, шаги наверху принадлежали Оле. Но это не могла быть Оля!

Протасов всё еще не понимал логических заключений Саши.

– Почему ты так в этом уверена?

– Потому что за день до смерти Оля сдала свои сапоги в ремонт, других у неё не было: она сама мне об этом сказала. Поэтому на репетицию в тот вечер Оля надела ботинки! Зимние ботинки, которые не стучат по полу при ходьбе, как каблук. Человек наверху лестницы был совсем в другой обуви.

– Мы нашли её в платье и ботинках, ты права. Значит, в здании был кто-то ещё.

– Именно, – протянула Саша. – И этот кто-то ничего не сказал следователям.

– Почему ты не сообщила им?

– Не была уверена. Да и как бы я выглядела? Единственное, что они поняли бы из моих объяснений, так это то, что я сама была в «Шереметеве», когда Олю убили. Конечно же я промолчала, но теперь мне страшно.

Женя взболтал остатки остывшего кофе и залпом допил его.

– Хорошо, допустим, кто-то ещё был в Доме моды, но почему ты решила, что это связано с Олей? Человек тоже мог вернуться за вещью.

– Зачем тогда убегать? Если просто вернулся за чем-то, не ведёшь себя скрытно.

Протасов согласился. Всё это выглядело более, чем странно.

– Ты должна об этом сообщить.

– С ума сошёл?! Конечно нет! Теперь это будет выглядеть ещё хуже: я соврала им изначально, и вдруг примусь рассказывать о сапогах и тени на лестнице. Они мне не поверят или вообще станут подозревать. Я не доверяю органам и не хочу с ними связываться. И ты не говори им! Если скажешь, я ни за что не соглашусь, что это правда.

– И что тогда будем делать?

Нагаева кусала губы, и в глазах её читался страх, аккуратные пальчики подрагивали на пустом стакане.

– Не знаю... может, ты попробуешь выяснить всё аккуратно?

– Я?!

– Вы новенькие, ты – парень, большой и сильный. Тебе хочется доверять. Ты мог бы пообщаться с девочками, они будут к тебе расположены и, может, что-то удастся узнать. Поверь мне, здесь все любят поговорить. А твои подруги могут узнать что-то изнутри, например от Голдина.

– А почему ты не можешь?

– Со мной они говорить не станут, а вы – люди новые. К тому же три пары женских ушей лучше, чем одна. Просто попробуем, пожалуйста, иначе я с ума сойду от этих мыслей!

Саша взволнованно смотрела на него, ожидая решения.

– Сначала я посоветуюсь с сестрой и Лией.

Решение действовать

Жене очень не нравилась эта затея. Войдя в дом, он застал девочек на кухне. Они гоняли уже третью кружку чая, беседуя о прошедшем дне, моделях и разных мелочах.

– По-моему, Голдин положил на тебя глаз, – жеманничала Лия, мило улыбаясь. – Он так пристально смотрел на нас, даже когда мы были не на подиуме.

– Да что ты выдумываешь! Сдалась я ему, он смотрел на нас, потому что мы с тобой терлись у кулис и неправильно выходили.

– Точно-точно тебе говорю, – мурлыкала Адлер. – Я как на него ни посмотрю, он на тебя поворачивается и улыбается.

Протасова шумно поставила чашку чая для Жени на стол и недовольно зыркнула на подругу. Вечно она пытается с кем-то её свести.

– Вдруг он на тебя смотрел? – атаковала в ответ Вика. – А на меня взгляд переводил, чтоб с твоим не столкнуться. И вообще, по-моему, у него есть девушка.

– И что же тебя задержало? – как-бы невзначай спросила Лия, когда Женя вошёл в кухню.

Протасов собрался с мыслями, подставил себе стул и пытался подобрать слова, чтобы верно всё выразить.

– Я говорил с Сашей, и ей нужна наша помощь. Точнее, она попросила нас разузнать кое-что.

Он поведал о разговоре и странностях, которые стали ему известны. Девочки слушали с неподдельным интересом, ведь тема эта щипала за душу куда больше, чем всё, что они обсуждали ранее. Лица их стали заметно серьёзнее, под конец рассказа обе заразились скепсисом.

– Она спятила? – опешила Вика. – Если бы она сразу рассказала всё следователю, дело бы завели, и началось расследование. Молчать о подобных фактах, значит скрывать информацию о возможном преступлении. Она это понимает?

– Я пытался сказать ей, но она не желает слушать. Боится и наотрез отказывается.

В разговор вступила Лия:

– Её доводы звучат логично, но с чего она взяла, что с нами будут откровенничать и делиться информацией? Мы не за тем пришли в Дом моды, чтобы...

– Послушайте, – перебил Протасов, пару секунд он молчал, серьёзно глядя на девочек, – на самом деле я уже принял решение. Мне самому не нравится эта идея, но для меня информации достаточно, чтобы хотя бы попытаться что-то узнать. Подумайте только, здесь слишком много странностей! Жизнерадостная девушка, которая всегда стремилась помочь ближнему, никогда не унывала, вдруг заканчивает жизнь самоубийством. Пишет нелепую записку о бойфренде и бросается из окна, когда накануне несколько дней светилась от счастья. Прямо перед смертью ей отдали главное платье! Главное платье – они же в своём Доме моды только

об этом и мечтают! Мне не даёт покоя мысль, что Оля могла быть убита. Кто-то был там в тот вечер и солгал в показаниях. Этот странный случай на лестнице: зачем убегать, если не сделал ничего дурного? Понимаю, я не следователь, и вы тоже. Но я знал Олю. Она была для меня не последним человеком, и я точно хочу знать, что произошло. Возможно, ничего не добьюсь, но хотя бы постараюсь выяснить, кто ещё был там во время её смерти, и что он там делал. Или что заставило её так закончить, хотя говорю вам, я не верю в самоубийство.

Женя тяжело дышал, уставившись на девочек, те молча смотрели на него в ответ.

– Я не заставляю вас участвовать, но прошу помочь мне в этом.

Первой заговорила Вика:

– Я понимаю тебя и, наверное, даже согласна. С одной стороны, это выглядит странно, но, с другой, от нас требуется всего лишь разговаривать. Мы не нарушим закон. В общем, я с тобой, если ты этого хочешь.

– И я с вами! – закивала Лия. – Поиграем в детективов.

Беседа с Кристиной

Минул третий час с момента, как в зале для показов вновь заиграла бесконечная мелодия. Репетиция была по-настоящему изнуряющей, и не уставал от неё, казалось, лишь Иван Голдин: он бодро махал руками и с горящими глазами беспрестанно вносил поправки, чем немало раздражал своих подопечных и Женю, ожидавшего в гримёрной. На репетицию его не пустили, однако необходимо было приводить план в исполнение, а для этого требовалось присутствовать в Доме моды хотя бы в качестве скучающего брата в ожидании сестры. Сегодня он намеревался разговорить кого-то из моделей, надеясь, что доводы Саши о его силе и обаянии окажутся верными.

Пока репетиция достигала своего апогея, Протасов решил потихоньку осмотреть место происшествия – соседствующую с гримёрной костюмерную. Бумажная ленточка, гласящая о запрете входа в помещение, оказалась аккуратно отклеенной от стены, а сама дверь не заперта. Должно быть, Голдин «распечатал» комнату после того, как узнал о намерениях следствия не заводить уголовное дело, и пускай самовольно этого делать нельзя, всё же костюмерная нужна ему и его команде для продолжения работы над показом. Жене это было только на руку, он беспрепятственно вошёл и прикрыл за собой дверь.

Костюмерная являла собой большую, однако совсем не просторную комнату, находившуюся в «творческом беспорядке».

Несколько столов стояли весьма хаотично, на них громоздились рулоны всевозможных тканей, валялись распечатки различной давности, на глаза попалась пара кружек. Один из столов относительно пустовал и находился в отдалении от двери по левую сторону, его убранство заключалось в настольной лампе и липких круглых следах, оставленных, похоже, вышеупомянутыми кружками. В остальном комнату заполняли три добротных шкафа на всю левую стену, какие-то грамоты, кубки над ними, стойки-вешалки с упакованными костюмами, туфли, сапоги, сумочки, клатчи, шляпки с перьями и без и прочие предметы женского гардероба и иные диковинные вещицы.

Каких-либо следов, указывающих на возможность борьбы, не обнаружилось: вся мебель была целой, стояла ровно, насколько возможно. В целом помещение выглядело запущенным, совершенно не оставалось сомнений, что использовали его как раздевалку во время показов и как кладовку в остальные дни. Взгляд Жени устремился на окно, всего в костюмерной их было три, но доступ к двум из них закрывали длинный стол, вешалки и пакеты на подоконниках. Он подошёл к тому, что было свободно, и внутри стало не по себе. Именно здесь закончилась история Оли Чайкиной, его первой любви и давней подруги. Последнее увиденное ею при

жизни – унылая кирпичная стена внутреннего двора.

Протасов постарался отогнать тоскливые мысли и внимательно изучил само окно, краску на раме и вокруг неё, приоткрылся к стыкам у подоконника.

Окно было старым, деревянным, как и во всём здании, с двумя рядами стёкол, меж которыми пустовало пространство, где при отсутствии должного ухода частенько собираются мёртвые насекомые, пыль и грязь. Обе створки закрывались медными штырями во всю длину с внушительными крючками сверху и снизу и изящно отлитыми ручками-рычагами. Парень попробовал повернуть штырь – он двигался, но вскоре перестал поддаваться. Пытаться дальше открыть старый механизм, пусть и выглядевший надёжным, Женя не решился. Ещё сломает ненароком, и придётся объяснять, чем он занимался в официально опечатанной комнате и с какой целью трогал окно, из которого, предположительно, выпрыгнула знакомая ему девушка.

Краска на раме блестела лаком, треснула в нескольких местах, однако вид её свидетельствовал об относительной новизне. Подоконник почти доставал парню до пупка, и ширина его была подстать – длиною с локоть. Никаких следов крови, волос, необычных царапин или чего бы то ни было ещё найти не удалось.

Наконец в зале для показов раздалось заветное:
– Перерыв! Один час на обед.

Модели вздохнули с облегчением, и даже их ноги, устав-

шие и опухшие от каблуков, готовы были танцевать в предвкушении отдыха. Настроение в зале заметно улучшилось, и последовали переговоры о том, куда бы сходить и чего бы такого съесть. Женя поспешил покинуть костюмерную и вернуться на своё облюбованное место в гримёрной.

– Напоминаю: не обедаем! Нас ждёт еще один прогон, – на том Голдин чинно удалился в свой кабинет.

Ворвавшись в гримёрную, девочки поспешили накинуть верхнюю одежду, отыскать сигареты и выпорхнуть навстречу обеду. В комнате остались лишь Женя и Кристина, девушка тихонько копалась в сумке.

– Ты никуда не идёшь? – поинтересовался Протасов.

Кристина мельком глянула на него и покраснела, как бывает при вынужденном разговоре с симпатичным незнакомцем.

– Я... нет, я обедаю здесь, ношу еду с собой.

– Знакомо, – улыбнулся Женя. – Тоже так делал, когда занимался дзюдо. Часто времени заскочить домой не хватало, а перекусить страх как хотелось. Если постоянно ходить в пекарни и кофейни, с формой придётся распрощаться.

– Согласна, – кивнула Кристина, не понимая цель этого странного разговора.

– Не против, если я присоединюсь? Хочу познакомиться поближе с коллегами моей сестры.

– Я не возражаю, – ответила Кристина, хотя в её голосе всё ещё крылось непонимание. Она достала контейнеры с сала-

том и симпатичного вида оладьями, присела за свой столик и указала Жене на стул рядом.

– Расскажи о вашем коллективе. Давно вы работаете вместе?

Девушка пожала плечами. Она держалась поодаль: её всё ещё сковывала неловкость.

– Около года. Не так уж давно, наверное, хотя как посмотреть. Наша группа всего год и существует.

– И ты была в ней с самого начала?

– Да, как и все остальные, наш состав остаётся неизменным. Если хочешь знать об атмосфере, то, думаю, нас нельзя назвать коллективом. Мы не очень-то дружны, никогда не были, а с приближением Токийского показа все особенно на нервах.

– Понимаю, девушкам в целом часто непросто найти общий язык, – Протасов мило улыбнулся и подпёр щеку.

– Девушки такие же люди, как и парни, – улыбнулась в ответ Кристина, перемешивая свой домашний цезарь. – Хотя в чём-то ты прав. Конкуренция даёт о себе знать: каждая хочет и место получше, и позицию в коллекции поинтересней. Думают только о себе – это заметно, у большинства здесь звёздная болезнь.

– Но вы же команда, неужели у вас совсем нет чувства единения? На дзюдо у нас с парнями было что-то вроде своего клуба: ходили в сауну, вместе проводили время, творили всякие глупости. Мы хорошо ладили, несмотря на то, что

соревновались друг с другом.

– В женском мире дела обстоят немного иначе, – девушка всё чаще улыбалась и трогала волосы, что не укрылось от внимания Жени, да и села она вполоборота, сократив расстояние меж их коленями; мысленно он кивнул себе, поняв, что расположил к себе Кристину. – Если вы конкурентки, то подругами вряд ли будете, особенно если не умеете разделять личное и работу. Сказать по правде, у нас этим мало кто может похвастать. В основном мы общаемся по необходимости, никто не лезет к тебе, а ты не лезешь к остальным – всё просто. Хотя, на мой взгляд, дружить было бы гораздо лучше. Все соревнуются меж собой, делят непонятно что, а в лицо мило улыбаются. Порой я ощущаю себя в стае, где слабого съедают свои же сородичи. Оля была не такой. Она умела дружить. Наверное, даже была самым светлым человеком из нас. Я слышала, ты знал её?

– Да, и мне очень приятны твои слова о ней. Потому что именно такой я её и помню. Мы познакомились в детстве и долгое время дружили.

– Тебе наверняка нелегко сейчас приходится, – понимающе промолвила Кристина и, немного помедлив, добавила: – Мне тоже её не хватает. Оля всегда старалась помочь тем, кому требовалась помощь, не была равнодушной. Она походила на лучик солнца, постоянная оптимистка. Жаль, что так вышло.

– Как ты думаешь, могли у неё быть враги среди вас?

– Враги? – удивилась девушка. – Конечно нет. Конкурентки, да, но враги... Иногда возникали недопонимания, но лишь в рабочем процессе – это мелочи. Оля была бесконфликтным человеком.

– И всё же, может, была какая-то ссора с её участием? Я спрашиваю потому, что хочу побольше узнать о жизни Оли здесь. Вдруг это поможет понять, что натолкнуло её на мысли о суициде.

– Дай подумать... наверное, нет, – нахмурилась Кристина. – Хотя я припоминаю один случай. Они о чём-то сильно повздорили с Настей Орлановой, думаю, по рабочим моментам. Периодически такое случается, когда Настя чересчур вживается в роль командира. Но это было с месяц назад, наутро после ссоры всё стало как обычно. Никто не придал этому значения, и Оля не упоминала подробностей. В любом случае острых конфликтов я не помню.

– Мне хотелось бы восстановить картину событий. Тебя не затруднит подробно рассказать о последнем вечере, когда Оля была жива? Постарайся вспомнить время, кто из девочек куда собирался пойти. Это может помочь, вдруг кто-нибудь что-то вспомнит.

Кристина помедлила с ответом, вспоминая детали.

– Не думаю, что это чем-то поможет. Вечером у нас была репетиция, она поздно началась и очень затянулась. В конце Голдин сказал, что эскиз главного платья наконец-то готов, и ему нужно выбрать модель для него. Он собирался объявить

об этом на летучке утром. Около половины 11 мы закончили и стали собираться домой. Все жутко устали, поэтому в гримёрной почти не разговаривали. Я не стала смывать макияж и вышла оттуда самая первая, так что вряд ли смогу помочь. Быстро собрала вещи и почти у дверей догнала Жанну.

– Выходит, Жанна в гримёрную не заходила?

– Нет, – Кристина мельком улыбнулась. – Ты же слышал её концерт утром? Она ушла сразу, как только мы закончили. Во время репетиции всё вздыхала и нервничала, торопилась куда-то, видимо. Даже притащила в зал для показов верхнюю одежду, чтоб ни минуты не терять.

– Говоришь, ты догнала её. Не знаешь, куда она так спешила?

– Нет, – отрицала девушка, приговорив последний оладий. – Я спросила у неё, куда она идёт. Ответила, что домой, но почему торопилась, не знаю. Мне вообще показалось, что она не слишком довольна моей компанией. Нам обеим ближе добираться от станции метро «Адмиралтейская»: я живу неподалёку, а Жанна выходит на ней. Бывает, сталкиваемся, но не разговариваем. Я подумала: «почему не пойти вместе? Нам же по пути». В общем, разговор не клеился, Жанна очень быстро шла, пришлось почти бежать за ней, хорошо, что...

Кристина замолчала, и внутри у Жени загорелся огонёк интереса.

– Я совсем забыла об этом, хотя, может и не важно.

– Расскажи, иногда мелочи бывают очень полезными.

– Уже почти у метро, под Триумфальной аркой Жанна резко остановилась и стала щупать карманы. Она сказала, что забыла телефон, и пошла обратно. Я не придала этому значения и направилась домой одна.

Лицо Кристины осунулось, и без того бледная кожа стала ещё бледнее. Тонкие пальцы потянулись к волосам, а розовые губы слегка дрогнули.

– Я не сказала следователям. Как думаешь, это важно?

Протасов смотрел на девушку спокойно: как и ожидалось, в истории рокового вечера стали всплывать подробности.

– Не бойся, эти показания могли бы оказаться значимыми, а может и нет. Зависит от того, что рассказала Жанна.

Заместитель без назначения

В кабинете главного модельера Дома моды «Шереметев» кипела работа: шуршали бумаги, щёлкали кнопки клавиатуры, то и дело выдвигались ящики стола, со стуком задвигались обратно, методично раскладывались папки.

– Так... так... хорошо... угу...

Сам модельер отправился на обед, а его верный зам без назначения – Настя Орланова, кропотливо копалась в документах, прерываясь лишь для того, чтобы взять очередную распечатку из принтера.

– Ах, Боже мой... какой бардак... ничего не найти...

Череду её бессвязных мычаний и замечаний прервал неожиданный стук в дверь. Орланова отпрянула от работы – на пороге стояла Вика Протасова.

– Могу я войти? – любезно поинтересовалась она.

– Конечно, – ответствовала Настя. – Правда, я немного занята, но, если тебе нужна помощь, ты обратилась по адресу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.